

Иван Алексеев

*Светлые
истории*

классика самиздата

Иван Алексеев

**Светлые истории.
Классика самиздата**

«Издательские решения»

Алексеев И.

Светлые истории. Классика самиздата / И. Алексеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839511-6

Повести тревожного 2014 года, выявившего новое наступление Запада на Восток и любовь. Поверхностный и равнодушный взгляд вряд ли посчитает собранные в сборник истории взаимосвязанными. Но взгляд глубокий и добросердечный без труда уловит в них светлую мелодию и манифест любви — в самом широком русском понимании этого слова, когда ожидание, вера, надежда и чувство к милому другу рождают любовь ко всем людям и миру, созвучную высшим сферам.

ISBN 978-5-44-839511-6

© Алексеев И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ЧЕЧЕН	7
Под дых (1)	8
Колючая работа (2)	14
Хитрый план (3)	19
Концерт (4)	25
Вдохновение (5)	31
Через тернии (6)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Светлые истории Классика самиздата

Иван Алексеев

© Иван Алексеев, 2018

ISBN 978-5-4483-9511-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Весь год меня занимала тема любви в том самом широком понимании, когда ожидание, вера, надежда и чувство к милому другу рождают любовь ко всем людям и миру, созвучную высшим сферам.

Толчком к размышлениям на указанную тему стали Киевский бунт и развязанная на Донбассе война, выявившие очередное наступление Запада на восток, цель которого состоит в вытеснении любви вместе с её хранителем – Русским миром – на цивилизационные задворки.

На весенней волне общей русской эйфории от вроде бы поднимающегося народного сопротивления я написал «Чечена», пытаясь внести свою лепту в ответ на вопрос, откуда взялись, кем управляются и куда кого ведут новые руководители Украины.

Голос мой оказался слишком ничтожным и неразличимым в бурлящем и мутном потоке обращения к известным всем истинам, и я уже собрался замолчать, надеясь, что и защитников достаточно, и мусть вот-вот осядет.

К сожалению, надежды мои не оправдываются, а негативные для нас тенденции развиваются стремительнее, чем это можно было предположить. Известные истины забалтываются. Полученные ответы представляются ошибочными. Прямые пути скрывает туман сомнений. И никак не отогнать мысль, что хочешь – не хочешь, а защищаться нам придётся всем миром и всеми духовными силами.

Среди духовных сил особое место занимает любовь.

О русском понимании силы любви заявил миру Федор Иванович Тютчев, считавшийся при жизни одним из «второстепенных» (словами Н. А. Некрасова) поэтов:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом или кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...»

Оговорка про второстепенных существенна. Гении, решающие исход войн, обычно появляются тогда, когда офицеры подготавливают им достаточное пространство для маневра. Если гении задерживаются, а время не ждет, то офицерам приходится справляться самостоятельно.

Среди офицеров нашего времени нельзя не отметить коллектив Внутреннего предиктора СССР. Его исследования в области глобального исторического процесса и социологии весьма основательны. Впрочем, тема нравственного совершенствования людей настолько необъятна, что всегда и у каждого найдется место для критики и добавлений.

Отдав дань пустому занятию критикой, я сосредоточился на добавлениях. В результате к «Чечену» прибавились опыт «манифеста» и повесть поздней любви, приземлившие некоторые из бесчисленных фантазий на заданную тему на почву обыденных житейских историй.

Поверхностный и равнодушный взгляд вряд ли посчитает эти три повести взаимосвязанными. Но взгляд глубокий и добросердечный без труда уловит в них общую светлую мелодию и манифест любви – в самом широком русском понимании этого слова.

12 ноября 2014 г.

ЧЕЧЕН

Повесть

Маме Валентине Ивановне, воспитательнице советских ребятшек

*«Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...»*

М. Ю. Лермонтов

*«34 Так вводит в заблуждение Аллах, кого хочет, и ведет прямым
путем, кого хочет, и никто не знает воинств Господа твоего, кроме Него,
а это – лишь напоминание людям.»*

Коран 74

Под дых (1)

Проснувшись, Марина долго валялась в постели, разглядывая игру солнечных зайчиков на потолке. Хотя ее веки больше не хотели смыкаться, и она давно должна была вскочить и бегать по комнате, пробудившийся вместе с телом холодный огонь разочарования в жизни и даже отчаянья удерживал девушку от привычной радости.

Все-таки лежать у нее больше не получалось, и она села, опустив босые ноги на тапочки. Пружины старой кровати от резкого движения громко скрипнули и недовольно заурчали, затихая.

На гладильной доске у стены лежало короткое красное платье с застежкой на спине, в котором Марина накануне выплясывала на свадьбе подруги, комочками на стуле – белье, убрать которое в шкаф ночью ей не хватило сил.

Увидев платье, Марина чуть повеселела, вспомнив, как упруго и соблазнительно оно обтягивает ее фигуру. Это платье ей очень нравилось, а представлять себя в нем – еще больше. Хорошо, что она была не в нем, когда Руслан ее ударил. Иначе она не смогла бы это платье больше одеть.

Три года назад, – теперь она думала, что это было очень давно и в другой жизни, когда мир вокруг представлялся теплым и радостным, и казалось, что так будет всегда, – Марина решила, что любит Руслана, и поверила в то, что он ее тоже любит. Познакомилась она с ним в компании пятикурсников, озабоченных не шкурными интересами, а жизнью и свободой других людей. Широко раскрытыми глазами худенькой второкурсницы медицинской академии она всмотрелась в плечистого кудрявого парня, просто и убедительно говорившего правильные слова: о свободе и справедливости, о бедных и богатых, о чести и предательстве, – и утонула в его глубоких карих глазах, подчинилась мягкому властному говору, доверилась, не раздумывая.

В словах Руслана она услышала не только озвученные собственные неясные мысли о том, что нельзя жить так, как все устроилось, и что появились возможности, которыми обязательно нужно воспользоваться. В завораживающих интонациях его голоса чудились ей еще скорые признания, которые она обязательно от него услышит. Острое чувство близкого счастья сладко сдавливало девичье сердце и отнимало ее волю.

Перемены, о которых говорили пятикурсники, витали в воздухе. Что-то ломалось у заправил геополитической игры. Униженная Россия, в очередной раз доведенная до запретной черты, собиралась подниматься с колен, подпитываемая мистическими силами. Новый президент страны, наверняка обремененный не озвучиваемыми обязательствами, даже предпринял некоторые попытки подняться побыстрее, вроде предложения национализировать центральный банк или продавать российское сырье за рубли. И хотя его попытки не стали успешными, они показали редкие для государственного лидера последних поколений высокую степень обучаемости, разумную смелость и намерение бороться за общие интересы. Все это привлекло к нему сильных харизматичных лидеров, в том числе, национальных, и помогло тихой сапой выстроить вертикаль власти, остановившую распад общественных и государственных связей.

Удался России и перелом в иссушающей народные соки войне с гордыми кавказскими горцами. Боевые действия переросли в бандитские разборки и террористические акты, в которых честные и здравомыслящие люди не захотели участвовать. Навоевавшаяся Чечня примирилась и, крепко объединяясь вокруг тридцатилетнего лидера, получившего все положенные мужу права управления, начала развиваться вместе Россией и даже быстрее других российских регионов.

Общее улучшение жизни в стране и демократические свободы неизбежно активизировали разные общественные силы, порожденные разными концепциями жизнеустройства, каждая из которых считала себя позитивной и правильной. Самыми громкими оставались пока силы, имеющие поддержку западной цивилизации.

За три года, которые Марина была с Русланом, ее избранник, начинавший с левацких лозунгов, перешел на националистическую риторику. Впрочем, если не вдумываться в смысл его слов, то все, что он говорил, можно было посчитать справедливым. Марине было с ним интересно, вдумываться ей не хотелось, она и не вдумывалась.

Хотя Руслан родился в знойных астраханских степях и по отцовской линии имел толику татарской крови, в его роду были крепкие украинские корни, олицетворяемые тетушками, жившими подо Львовом, у которых он проводил летние каникулы в школьную пору.

После периода любовных признаний, когда Руслан, «страстью сгорая», «так говорил» ей, как Марина хотела слышать и предвидела с первых минут их знакомства, они съездили к его тетушкам в путешествие, которое можно было бы назвать свадебным, если бы они расписались. Очень ей понравились экскурсии по старинным улочкам Львова, которые устроил Руслан, понравилась спокойная и добротная жизнь в тетушкиных селах, и сами тетушки ей понравились, и певучая их украинская речь, и она почти согласилась с Русланом в том, что «западенская» жизнь чище, краше и культурнее поволжской «азиатчины». Она бы и совсем с ним согласилась, если бы ее позвали жить в ту красивую сказку, которую нарисовали Руслан и его тетушки. Но пока ее туда не звали, и надо было жить, учиться и искать свое место под знойным астраханским солнцем, где ей в принципе тоже нравилось, где она не чувствовала себя чужой и где надеялась пригодиться.

Марина не была астраханкой. Астраханкой была ее бабушка, к которой Марина приехала из Казахстана, чтобы получить медицинское образование. Шансов поступить в институт в Алма-Ате у девушки не было. Жили они вдвоем с мамой в пригороде старой столицы, в старой пятиэтажке; лишних денег у них не водилось, к тому же школу она заканчивала в период сильного ослабления России, когда с русскими не считались всюду, и в Казахстане тоже.

Марина росла активной девочкой, любила участвовать в мальчишеских играх и не любила сидеть дома. Детство и юность, проведенные в южных краях, подарили ей смуглую кожу, тон которой выделялся даже на фоне загорелых волжанок, и восточные черты лица, но не степных луноподобных красавиц, а заостренные, как у горянки. Вслед за оценивающими ее людьми Марина сомневалась в чистоте своей родословной, разглядывая в зеркало нос, губы и подбородок, но мама всегда твердо отказывала ей в наличии восточных кровей, – как степных, так и горных, – называя отца, которого девушка не знала, русским.

Уже два года Марина жила в студенческом общежитии, убежав от нотаций стареющей на глазах бабушки. Бытовая простота ее не сильно удручала. К тому же у нее почти не было свободного времени, так как приходилось много трудиться. К учебе, которая всегда ей нравилась, и в которой она шла на красный диплом, добавилось много практических занятий, чуть ли не во всех городских больницах. А еще были ночные дежурства, которые давали ей немного денег и относительную независимость от мамы, бабушки и Руслана.

Последнее время они хоть и часто встречались с Русланом, но как-то наскоро. Причиной она считала нехватку времени. Целыми днями она думала о нем, мечтала увидеть, и эти думы и мечты давали ей силы успевать во всех делах. Но когда наступало условленное время, ее силы заканчивались, и только привычная нежность и воспоминания поддерживали их любовь. Могло быть и иначе, если бы они, наконец, съехались, или если ей хотя бы не приходилось после занятий и дежурств ехать к Руслану в другую часть города или на клубные посиделки в центре, куда он зачастил.

Все чаще она встречала Руслана в клубе с новыми ребятами, все чаще чувствовала, что отвлекает его от важных политических дел, читала неудовольствие на любимом лице и с грустью откладывала надежды на счастливую совместную жизнь.

Вот и месяц назад, когда он ее побил, она ему нечаянно помешала. В отдельном кабинете клуба кроме парнишки из какого-то русского националистического кружка, который второй месяц тенью следовал за ее мужчиной как за учителем, и к бычьей физиономии которого она уже привыкла, у Руслана оказался гость из Грузии, очень недовольный ее внезапным появлением.

Марина честно призналась им, что забыла про условленный стук, и зачем-то прибавила, что устала за день так, что не может думать.

«А ты когда-нибудь думала?» – огорошил ее Руслан.

Его слова были сказаны так обыденно, а прозвучали так страшно, что внутри девушки все оборвалось, и она даже не сказала, а прошептала в ответ, что всегда обо всем думает.

«Если бы ты думала, то не одевалась бы так, чтобы твоему мужчине было за тебя стыдно, – продолжал он ее обижать. – Что за вызывающее мини в мужской компании? Что подумают о тебе мои друзья?»

Марина опешила. Никогда Руслан не позволял себе ее учить. Может быть, она послушалась бы его раньше, когда боялась всего на свете. Может быть, извинилась или убежала, чтобы поплакать. Раньше. Но только не теперь. Теперь она не была тонкой тростинкой, как три года назад. Ее тело округлилось, приобрело соблазнительные формы. У нее появился животик, который она специально обтягивала, привлекая мужские взгляды. И вместе с животиком у нее появился женский взгляд на многие вещи и собственное мнение, которому в сфере женских интересов она полностью доверяла.

Да, сегодня утром у нее были некоторые сомнения, когда она разглядывала свой наряд. Она даже решила, что пора подумать о диете и осмотрела себя особенно придирчиво. Повторный осмотр показал, что платье, пожалуй, становилось маловато. Но уж очень ей шел его цвет. Особенно терракотовый оттенок, который поблескивал на солнце, как сочный персик. На фоне ровного коричневого загара это было очень красиво. И ноги в коротком платье не казались в зеркало толстыми. Она решила, что у нее все хорошо, и вышла на улицу с легким сердцем. И никаких очень уж нескромных взглядов в свой адрес не чувствовала, хотя где только не была за день и на каком только транспорте не ездила.

Марина захотела объяснить Руслану, что у нее вполне подходящий для лета наряд, учитывая, сколько ей приходится бегать, и как невыносимо жарко теперь на улице днем. И еще она хотела сказать, что никогда не слыла вертихвосткой, и что у нее есть вкус, о чем сам Руслан ей говорил много раз. Но воспоминание, как он это говорил, вдруг сбило весь настрой, перепутало слова и оставило внутри одну только обиду и желание защититься. Она знала себя, знала свое тело. И никто, даже любимый человек, не должен указывать, как ей одеваться.

Марина подошла к Руслану и, позабыв слова, зачем-то стала его заклинять: «Ты, ты, ты...»

«Не тычь мне, – устало процедил Руслан. – Я просто прошу тебя посмотреть на себя мужскими глазами. Посмотри, и ты увидишь, что выставила свои прелести напоказ. Твое платье ничего не закрывает. В нем ни сесть, ни поднять ногу, чтобы не показать трусов. Ты позоришь меня перед людьми. Мне это не нравится. Неужели тебе не понятно?»

Руслан был не прав. Чудовищно не прав. Вот тут у Марины прорезался голос. И с этого момента она действительно перестала думать о том, что делает и что говорит.

«Знаешь, что, – отрезала она, – не я тебя, а ты меня позоришь своими словами. Какие трусы и кому я показываю? Что за глупость ты говоришь? Какое право ты имеешь меня учить?»

«Право? – усмехнулся Руслан. – Вот мы заговорили и о правах».

«Когда полукровки говорят о своих правах, это все меняет», – обратился он к своим друзьям.

Здесь Марине надо было сдержаться и не говорить то, что она сказала. Она должна была остановиться, но не смогла:

«А вот тут ты опять соврал! И уж если хочешь обзывать, то это ты полукровка, а не я. Я русская и по матери, и по отцу, и ты это хорошо знаешь. А ты полукровка!»

Руслан нехотя поднялся и встал перед ней, как противник, хотя из-за согнутой в коленке ноги и мягких кошачьих движений казался, в отличие от натянувшейся струной девушки, полностью расслабленным. Марину не насторожил его нервно кривившийся рот и колющий взгляд сужившихся глаз. Она продолжала обзывать, пока неожиданный резкий и сильный удар кулаком в пах не заставил ее согнуться пополам и проглотить недосказанные слова. Она задыхнулась. И не смогла сопротивляться крепкой руке, цепко обхватившей ее за согнутые плечи, нагнувшей еще больше и поворачивающей по сторонам, чтобы чужие мужчины разглядели ее позор.

«Ну что, девочка, не видно твоих трусов?» – издали, как из-под воды, услышала она противный голос с грузинским акцентом и довольным причмокиванием.

Потом она услышала, и тоже сзади, щелчки, – как поняла позже, ее фотографировал ученик Руслана, только у него был телефон нового поколения с редкой еще камерой. И только когда прошла целая вечность, и она решила уже, что умирает, ей удалось вздохнуть, освободиться от рук Руслана и выпрямиться.

Почему-то она не заплакала, и, перед тем, как уйти, даже выслушала глупости, которыми Руслан решил ее напугать.

«Женщина должна знать свое место и не мешать делу мужчины, – сказал он. – Особенно сейчас, когда в нашей борьбе решается многое, если не все. Обиду забудь. Сама виновата. Надо отвечать за слова. Но урок и предупреждение запомни. Я завтра уезжаю на пару месяцев, так что у тебя будет время спокойно поразмышлять о нашем будущем. Веди себя подобающе. Паша за тобой присмотрит. Запомни, что без меня у тебя жизни нет и не будет. Позволить тебе от меня уйти я не могу. Поэтому ты должна слушаться и приспособливаться. Если будешь слушаться, все у нас будет хорошо. Я обещаю».

Марина не помнила, как пришла к себе в общежитие и как уснула. Что-то соображать она смогла только утром, когда очнулась от ночных кошмаров. Тело ломило, как будто не восстановилось после тяжелой физической работы. А голова была ясной, и головой она сразу вспомнила кулак Руслана в своем животе. Вчерашняя боль как будто повторилась и так и осталась с ней, как она решила, навсегда. Разумных объяснений поступку Руслана она не находила. С какой стороны она не пыталась посмотреть на его поступок, он казался девушке таким жутким и несправедливым актом, что временами ей не хотелось жить.

Она придумала даже, что может пойти и утопиться в Волге, и один раз ей приснилось, как она утонула и лежит на дне. Она видела, как ее тело постепенно заносит илом, и слышала монотонный гул входящих в нее пустоты и покоя...

Боль внутри не ослабевала, каждый день она чувствовала ее, когда просыпалась.

Страдания Марины умножались еще оттого, что она давно уже считала Руслана своим защитником, которого ей так не хватало в детстве. Среди мальчишек, к которым она тянулась в силу живости характера, часто попадались злые и хитрые обидчики. Особенно они привязывались к ней в летних лагерях. Каждый год после четвертого класса мама отправляла ее оздоравливаться к бабушке, а бабушка устраивала ее на две смены в один из загородных оздоровительных лагерей. И каждый год в каждом лагере находились уроды, поднимавшие палками юбку, чтобы выставить на показ ее трусы, или больно хватавшиеся за грудь, когда она играла с ними в догонялки. Везде и всегда ей не хватало защитника, что было дополнительным под-

сознательным мотивом прислониться к высокому и сильному Руслану. А теперь получалось, что этот защитник опозорил ее хуже гадкого мальчишки в детстве.

Несколько раз Марина пыталась плакать и жалеть себя, представляя, что хранила себя для единственного мужчины, отдала ему все, что у нее было, и все оказалось для нее напрасным. Но странным образом все чаще ловила себя на мысли, что жалость не захватывает ее целиком. Кроме жалости она чувствовала внутри себя какой-то стержень, заставляющий не склонять голову и жить, несмотря ни на что. Стержень был рядом с болью в груди.

Если бы она всегда могла называть словами то, что чувствовала, она бы сказала, что с болью в ней укрепились женщина. Потому что хотя она давно уже жила с женщиной и узнала свое тело, и округлилась, в ее душе оставалось много девичьего. Узнав счастье, она думала, что всю жизнь у нее будет одно большое счастье. А теперь она узнала боль, и внутри нее счастье и боль стали вместе. И вместе с ними появилась и с каждым новым днем душевных страданий крепла уверенность в своих женских силах, которые превозмогут любую боль, если только она не отступит от себя и будет прислушиваться к тому, что есть в ней с самого детства.

И слова, которые не рождались в ней сразу, чтобы объяснить все происходящее, все равно приходили, только немного позже. Как три года назад появилось объяснившее ее чувства слово «счастье», и как теперь появилось определение Руслану – «нацист». Она пока не смогла бы объяснить толком, что это значит, но родовой памятью знала, что это плохо, и что хотя она продолжает любить Руслана до круженья головы, мир с ним ей больше не нужен.

К тому же люди понимали ее боль и ей сочувствовали. Первые дни ей было стыдно говорить, а потом она нечаянно проговорила бабушке, которая ее пожалела и поплакала вместе с ней, и дяде Саше, отцу вышедшей замуж подружки. Марина только намекнула ему об обиде, посмеиваясь и делая вид, что не очень переживает, но он понял ее без многих слов, обеспокоился и поговорил с ней так, как смог бы поговорить только заботливый отец. Дядя Саша не только поддержал родившееся в ее голове решение перевестись учиться в Алма-Ату, но и подсказал, как говорить с местным педагогическим начальством, чтобы ее отпустили.

Руслан ее побил в конце сессии. После этого у нее было время посоветоваться с мамой. У мамы она прожила недолго, но этого хватило, чтобы оценить и правдивость маминых слов о поменявшемся среди казахов в лучшую сторону отношении к русским, и возможность вернуться, чтобы жить, как давно хотела мама, вместе.

В Казахстане Марина виделась с несколькими одноклассницами, у одной из которых понянчила хорошенькую дочку-куколку, бегала знакомыми улочками и через заброшенный сад, с которым были связаны разные детские истории, и так осмелела, что сходила на прием к проректору местной академии, благообразному молодому казаху с исключительно правильной русской речью. Проректор принял ее благосклонно и сказал, что с понижением на курс девушку примут без разговора, а если она найдет общий язык с преподавателями на кафедре, то возьмут и без понижения.

Но вот из альма-матер ее отпустить не захотели и даже нагрубили в ректорате. С известных пор грубость оказывала на Марину эффект, противоположный ожиданию грубияна. У нее только добавилось решимости и уверенности, что она на правильном пути. Марина решила идти со своим заявлением к ректору, который пока был в отъезде, но через месяц должен был появиться на рабочем месте. Девушка была уверена, что убедит ректора теми словами, которые она нашла с помощью дяди Саши.

Необходимость ждать ректора была не обременительной, потому что на это время у нее как раз было дело, от которого она не могла отказаться. Прошлым летом соседка по комнате привлекла Марину к воспитательной деятельности в школьных лагерях, и у Марины все хорошо получилось. На это лето девушки загадали ту же работу, а опытной соседке в студенческом комитете предложили даже отдельную особую и хорошо оплачиваемую работу. Но у соседки неожиданно заболел папа и очень серьезно, так что сразу после экзаменов она

уехала его выхаживать, а вместо себя на эту ответственную работу предложила Марину, взяв с нее слово, что Марина не подведет. Работа начиналась с понедельника. Поэтому сегодня Марина еще может позволить себе пострадать, вспоминая вышедшую замуж счастливую дочку дяди Саши и представляя себя в ее красивом белом платье под руку с Русланом, который давно мог повести ее за собой, если бы захотел.

Один еще день ей можно пострадать и поплакать, а завтра уже надо собраться, взять себя в кулак и постараться отдать свою любовь детям, раз она больше не нужна Руслану.

Колючая работа (2)

В пять минут восьмого Марина вскочила в автобус с детьми, который ждал ее на спуске около Кремля. Стоило ей запрыгнуть на подножку, как машина сразу поехала, так что знакомиться получилось на ходу и не очень удобно.

В автобусе был сопровождающий от комитета по делам молодежи, которого Марина видела несколько раз в студенческом совете. В креслах полулежали не выспавшиеся чеченские ребяташки, почти одни мальчишки, а на задних сидениях широко устроились два здоровых заросших мужика в затынутом ремнями камуфляже, обутые в высокие армейские «берцы» на шнурках. Новенькие ремни на них поскрипывали от движений, одежда таинственно надувалась, точно они были вооружены с головы до пят, как с перепугу подумала Марина, которую старший чеченец почти насильно усадил рядом с собой.

Недовольно пробурчав, что она на пять минут опоздала, чеченец представился Баширом, своего помощника назвал Керимом и сказал, что с ребятами она будет знакомиться в их присутствии, когда они приедут на место, и что всю свою работу она будет делать на их глазах и с их согласия.

Башир хорошо говорил по-русски. Сказав все, что хотел сказать, он потерял к Марине интерес и стал смотреть в окно.

Керим был помоложе и пошустрее. Он посматривал на Марину и даже как будто ей подмигнул. Потом засмеялся и что-то весело спросил у Башира на своем гортанном языке. Башир ответил, не поворачиваясь и как-то нехотя, сквозь зубы. После его слов Керим осекся, сник и тоже уставился в окно.

Трое мальчишек всю дорогу залезали коленками на свои кресла, высовывая головы, и, посмотрев на Марину, с шумом плюхались задами на сидения, оживленно пересказывая друзьям свои впечатления о девушке. Один из них, самый маленький, как показалось Марине, и с самыми озорными черными глазками, выглядывал чаще других и, не выдержав, спросил, как ее зовут и сколько ей лет. И ответил, в свою очередь, не обращая внимания на смех соседей, что его зовут Иса, что ему десять, и что с ним в автобусе его сестра Зухра. И что у него есть еще одна сестра, которая осталась в Чечне.

У Марины были с собой фотооткрытки с видами местного заповедника. Она дала их посмотреть Исе, а Иса отдал их сестре, которой они очень понравились. Марина попросила Зухру принять открытки в подарок. Зухра засмушалась, но подарок взяла и поблагодарила.

Короткое общение с Исой и его сестрой успокоило Марину, не придумавшую пока, как себя вести с молчаливыми бородачами; она устроилась поудобнее и стала смотреть, где они едут.

Автобус бодро гудел в сторону Камызяка. Этой трассой в детстве девушку возили в летние лагеря.

Район детских лагерей, куда она ездила, располагался вдоль реки Кизань за селом Якастово, в нескольких километрах вниз по реке. В том районе было не меньше пяти лагерей. Первый раз в лагерь она ездила в последний год советской власти, и запомнила, что они носили имена героев-пионеров, а самый дальний и новый из них, с собственным большим открытым бассейном, – космонавта Юрия Гагарина. Как она слышала, теперь на Кизани один этот лагерь и функционировал. Еще два лагеря стояли законсервированными, а самые ближние к городу поломали, и на их месте построили базу отдыха, куда направлялся автобус. И получалось, что Марина едет в старые знакомые места, где старый лагерь преобразился в современное место отдыха, словно отвечая ее преображению из ребенка в современную молодую женщину.

Марина сосчитала, сколько лет здесь не была, – у нее получилось семь лет. За это время вдоль пригородной трассы выросли новые незнакомые строения, а села, раньше четко разделявшиеся между собой, соединились в пригороды. Несмотря на изменения, все-таки она

узнала Карагали, Яксатово и поворот дороги вслед повороту реки. За поворотом начинались степи с мелиоративными канавами – слева от дороги – и прибрежные рощицы из редких ив, тутовника и тополей, полузатапливаемых в паводок, – справа.

Почти сразу за поворотом, переехав канаву и небольшое поле, автобус свернул к реке и подъехал к огороженной забором территории базы.

Рощицы вдоль реки, которые запомнила Марина, начинались теперь отсюда. По первой из них, облагороженной посаженными вдоль подъездной дороги туей и молодыми тополями, минуя круглый «пяточок», который в памяти Марины связался с клумбой на въезде в бывший когда-то здесь лагерь, автобус подъехал к трехэтажному кирпичному зданию, выкрашенному в насыщенный синий цвет, и остановился в его тени.

Автобус встречали женщина-администратор, мужчина в сером костюме и три милиционера с короткими автоматами, служебная машина которых стояла у подъезда. Башир и Керим по очереди обнялись с женщиной и стали о чем-то договариваться с милиционерами. Их разговор затянулся. Башир недовольно взмахивал рукой и качал головой.

Дети в автобусе зашумели, прильнули к окнам, забегали по салону. Дожидавшаяся вместе с Мариной администратор сказала, что для них накрыт завтрак. Марина покраснела, почувствовав себя старшей, и подошла к мужчинам.

– Башир, можно кормить детей? – спросила девушка, превозмогая несвойственную ей робость.

Бородач повернул к ней голову, посмотрел прямо в глаза, осторожно кивнул и приказал Кериму идти с ними.

Марина пошла к автобусу. Сердце у нее колотилось, она мысленно заклинала ребят послушаться и пойти за ней.

Ребята ее послушались и пошли.

Пока дети кушали, Марина их еще раз сосчитала. Тринадцать мальчиков и шесть девочек. Мальчишки обычные, озорные, в брюках, шортах, футболках. У двоих – Аки и Тагира – усы, но лица нежные, им не больше четырнадцати. Два мальчика были младше Исы, лет восьми.

Маленьких девочек не было. Все девочки в платьях и, кроме одной – Нафисы – в платках, а у трех, вроде бы старших, платья чуть не до пят. Нафиса назвала Марине, как девочек зовут и сколько кому лет. Нафиса оказалась самой старшей. Ей уже исполнилось четырнадцать, а Зухре и двум другим девочкам в длинных платьях, на которых подумала Марина, что они старшие, еще нет. У двух девочек были косы, у остальных волосы были пострижены, короче всех – у Нафисы.

Мальчики и девочки расселись за разными столами. Марине с мужчинами, как она уже поняла со слов Керима, тоже придется сидеть порознь.

Помещение, где им предстояло питаться в течение трех недель, называлось здесь рестораном и – тяжеловесной полированной мебелью, дорогой посудой, приглушенным светом, фотопейзажами на стенах и ценами – отвечало своему названию. Просмотрев меню, Марина порадовалась, что вычет за питание из ее зарплаты не предусмотрен, а то получать денег за работу ей бы не пришлось.

Наскоро перекусив, Марина успела пообщаться с любопытствующими женщинами – официанткой и администратором. Она рассказала им про себя и то небольшое, что ей рассказали самой и о чем по возможности просили не распространяться: приехали дети погибших чеченских милиционеров, которых пригласила отдохнуть и опекает местная власть. Женщины, в свою очередь, рассказали, что на первом этаже у них ресторан, служебные помещения, бассейн и тренажерный зал, на втором и третьем – гостиничные номера. Что Марина и чеченцы будут жить на втором этаже, что на их этаже других постояльцев не будет, что двери с лестницы на их этаж будут закрываться на замок, и что вежливый мужчина в костюме тоже предупредил женщин не говорить посторонним ничего лишнего.

Поевшие дети начали хулиганить: залазить под столы, двигать тяжелые стулья. Марина скомандовала им забрать в автобусе свои вещи и размещаться по комнатам, которые она им укажет. Но поруководить не получилось. В дверях нарисовался Башир.

– Не ты здесь командир, Марина, – сказал он укоризненно. – Мы с тобой договаривались – все через меня.

– Но мальчишки балуются. Их надо устроить по комнатам. И администратор ждет... Башир, можно я займусь детьми?

– Хорошо. Устраивай ребят. Ты спросила, – я разрешил. Всегда спрашивай, Марина, я тебя очень прошу.

«Да знаю я свое место, не переживайте. Спасибо, хоть имя запомнил», – подумала в сердцах девушка.

Когда все устроились, Марина решила осмотреть, что интересного есть на территории базы.

Дверь на их этаж уже закрыли, и на развернутом стуле перед выходом, облокотившись на спинку, сидел Керим. Встретившись с ним взглядом, девушка поняла, что ей надо стучать к Баширу.

– Кто?

– Это Марина. Я хочу выйти на улицу. Мне надо отпрашиваться, если я хочу выйти?

– Надо отпрашиваться. Зачем тебе выходить?

– Хочу посмотреть, что там есть, где играть детям. К речке хочу выйти. Не будем же мы целыми днями сидеть в четырех стенах!

– Хорошо. За забор не ходи. Туда нам нельзя.

Марина начала жалеть, что согласилась на эту работу. Теперь и чеченцам надо кланяться. Мало ей Руслана.

Осмотр территории базы радости не прибавил. За корпусом до самой речки простиралась открытая ровная площадка с выжженной солнцем травой, без деревьев. Сухая потрескавшаяся глина под ногами казалась каменной. Выложенные тротуарной плиткой тропинки косыми лучами вели от здания к теннисному корту с искусственным зеленым покрытием, песчаной волейбольной площадке и к реке. Вдоль тропинок были разбиты цветочные клумбы. Садовник-казах с морщинистым лицом, затененным старой широкополой фетровой шляпой, заканчивал поливать цветы, заливая до краев последнюю канавку.

Было около одиннадцати утра, а солнце пекло так, что ноги сами искали тень, которая была только у корпуса, под редкими деревьями вдоль кирпичного забора и железной ограды, отделяющей базу от реки, и под крышей одинокой беседки, на песке около которой лежал опрокинутый мангал, и стояла открытая печь, выложенная из кирпича.

В жару на этой площадке делать нечего. Утром надо попробовать организовать ребят на зарядку. Вечером на корте мальчишки могли бы поиграть в мяч. После ужина можно посидеть с ребятами в беседке, если другие отдыхающие не придумают жарить здесь шашлыки.

Калитка в береговой ограде была закрыта на замок. Посмотрев сквозь прутья, Марина убедилась, что искупаться в речке не получится, хотя ей очень хотелось. Берег был каменистый, пляжа поблизости не было, дно, скорее всего, илистое, в воде у берега торчали ржавые остатки железных канатов, валялись пустые бутылки и разный мусор.

Она медленно прошла вдоль ограды в тени тополей, думая, что место, куда их привезли, совсем не походит на живое пространство ее лагерей. Там было много деревьев, кустарники, камыш и лебеда, были полузакрытые веранды в летних домиках, деревянные беседки, увитые плющом и диким виноградником, качели, скамейки. Хоть не так прилизанно и аккуратно, что-то поломано, но всюду интересно. В голове мельтешили воспоминания о тенистых закутках, которые были на каждом шагу, о цеплявших шорты кустах на берегу, куда им тоже не разрешали выходить, но куда они пробирались подсмотреть, как мальчишки плавил целло-

фановые кульки, собирая капающую массу в железные ложки. Из кульков у них получались красивые овальные черно-зеленые кулоны, на которых ножичком и зубной пастой можно было нарисовать имя или цветочек. У Марины было два таких кулона, один из которых ей подарили, а другой она выменяла на значок.

В тех лагерях только в самое пекло, в обед и «мертвый» час, прятались от солнца в домиках, в другое время всегда можно было найти, где поиграть. Куда все делось? Неужели вырубали и поломали?

Марина вернулась к зданию и обошла его кругом. Кроме дорожной аллеи, с этой стороны были клумба с цветами и ряды привязанных к палкам саженцев, которым еще расти и расти. За саженцами – забор из сетки-раубицы и, через поле, трасса с ползущими мимо машинками.

Марина попросила администратора показать бассейн и тренажерный зал.

Зал с железом им с детьми вряд ли пригодится, зато бассейн ей понравился. Внутри не жарко. Дневного света из высоких узких окон вдоль длинной стены достаточно. Прозрачная голубая вода, притягивающая взгляд. Длинная ванна, дно с уклоном. Есть мелкое место, где можно учить детей плавать.

Пока Марина ходила, дети уснули. Впустивший ее Керим закрыл дверь на ключ и тоже пошел спать.

Марина закрылась в своем номере и под монотонный гул кондиционера стала думать, что ей делать.

Она попыталась написать на листочке план занятий с детьми. План получился куцый, неинтересный.

Все детские игры, в которые она играла в летних лагерях, разные догонялки, которые ей особенно нравились, тут не организуешь. Чем еще увлекали детей в ее время? Читением интересных книжек, которых было не достать, и рассказом необычных историй. Но теперь доступны любые книжки, а дети не очень любят читать. И что читать чеченцам? Что им рассказывать? К тому же мальчишкам? Откуда она знает, что им интересно?

Что же еще можно придумать?

Однажды воспитательница водила их в недалекий поход на соседнюю речку Царев, на Осыпной бугор, рассказывала про маленькие яблони-китайки, которые там раньше росли, и показывала оставшиеся от обширных садов деревья с жесткими красными плодами, которые можно было спрятать в кулак.

Одно лето они играли в «зарницу» ниже Осыпного бугра, в районе Кирпичного завода. До сих пор ей обидно вспоминать, что их отряд проиграл из-за мальчишки, который устал лежать на земле и встал, выдав хитрую засаду.

На такую игру ее черноглазые подопечные могли клюнуть, но ведь за территорию выходить нельзя, а на территории не поиграешь.

В общем, ничего толкового не придумывалось, и Марина уже хотела опустить руки, но тут в ней проявились упрямство и воля, которые она узнала в себе, борясь с чувством к Руслану. Воля не хотела отступать, спрашивая, зачем тогда она собиралась с силами, зачем переламявала себя, зачем давала слово людям? Набежавшие вопросы в полуденной тишине так усилились и придавили голову, что Марине еле хватило мочи сделать шаг до кровати и упасть на нее. В солнечных отблесках под потолком она разглядела пылинки, которые дрожали на месте, точно танцевали. Воздух над ней был густ и недвижим, но из-за пылинок ей показалось, что он задрожал. В его дрожании постепенно вырисовалась альтернатива: либо склонить голову, забыть страдания, подчиниться Руслану и всем обстоятельствам, образуемым вокруг нее другими людьми, либо слушать себя и бороться изо всех сил, какие у нее есть.

Сначала ей опять показалось, что проще сдать и плыть по течению, а потом сердце сжала тоска, и она подумала, что умрет, если сдастся.

Дрожавший воздух прислушался к ней и остановился, образовав в себе нечто прозрачное, похожее чертами на лицо матери. Мамино лицо гримасничало, пытаясь подсказать, что делать, потом передернулось от резкого движения, спуталось и обратилось в другое и уже мужское, столь же прозрачное и полужнакомое. Марина подумала было на Руслана, но тот, кто был в ней, возмутился и с его помощью внутри сложилось «па-па». А когда она поняла, какое слово сложилось, то передернулось и спуталось и это лицо. И так вдруг жалко ей стало, что все у нее путается, что она плюнула на себя и стала думать про осиротевших ребятишек, которых привезли в чужие им степи, чтобы отвлечь от тоски по родителям. И она загадала думать об этих детях столько, сколько будет нужно, чтобы войти к ним в доверие и попробовать отвлечь от сиротских чувств. И поняла, что если у нее получится то, что загадала, то она и беду с Русланом переживет и дальше сможет жить по своему, а не чужому велению.

С этими мыслями ей сразу стало легко. Она вскочила с кровати и побежала поднимать сонную компанию на обед.

Хитрый план (3)

Всю следующую неделю Марина хваталась то за одно, то за другое, но без большого успеха, словно подтверждала известную истину: загадать легко, сделать трудно.

От утренней зарядки она отступилась на третий день. Девчонок ей трогать Башир запретил, а мальчишки ленились. Она, как дура, бегала утром по всему этажу, стучала в двери, – для того, чтобы к ней вышли сначала пять пацанов, потом четверо, а потом один Иса. Она знала, что мальчишек подговорил против нее Керим, который считал ниже своего достоинства махать руками вместе с ребятами и стоял, зевая, в сторонке.

Футбол организовался без нее. Охранники сами разделили мальчишек на две команды, гоняли мяч вместе с ними и спорили хуже детей. Чаще выигрывала команда Керима, отчего все мальчишки хотели играть с ним, а Башир расстраивался. Чеченским девочкам футбол не нравился, Марина тоже никогда не понимала эту забаву, но они каждый вечер добросовестно ходили смотреть игру и болели.

Попробовав заинтересовать детей чтением, Марина чуть не поссорилась с Баширом. Недовольный чеченец вызвал ее в коридор, сунул в руки «Хаджи-Мурата» и спросил, зачем она заставляет мальчишек читать эту книгу.

– Я не заставляю, я думала, чем мальчишек заинтересовать, чтобы они начали читать. Я думала, что книга великого писателя про кавказскую войну, про героев, про мужскую честь, – самая подходящая.

– Им про войну не надо читать, они ее видели, – сказал Башир. – Убери эту книгу. Я ее читал. Мне она не нравится. Толстой не так написал про моих предков, как надо. Он написал взгляд русского, которому все понятно. Чеченцу не все понятно. Зачем нам вспоминать то, что можно назвать предательством? Я не хочу объяснять детям, почему мы то воюем с русскими, то дружим с ними. Я не хочу, чтобы они сомневались в мудрости отцов. Если бы ты не была женщиной, я бы подумал, что ты враг.

– Да, я дура, я женщина, – вспыхнула Марина. – И поэтому мне твои обиды не интересны, а вот ребят жалко. Кем они вырастут, если не будут читать? Дети должны быть умнее родителей, идти дальше. Откройте им мир! Пусть развиваются! Пусть напишут лучше Толстого!

Башир махнул на нее рукой и правильно решил дальше не спорить с женщиной.

А после ужина к Марине неожиданно постучал Иса:

– Зухра просила твою книжку. Дай ей.

– Это плохая идея, – ответила ему Марина. – Башир сказал, что книга не для чеченцев.

– Сестра слышала, как Башир тебя ругал. Она все равно хочет прочесть эту книгу. Она любит читать. Пусть читает. Башир разрешил. Можешь у него спросить.

– Дай ей, – подтвердил Башир слова Исы и даже каким-то доверительно смягченным голосом попытался объяснить Марине, почему разрешил.

– Отец Исы был моим командиром. Он погиб вместе с женой. Пошел ее спасать и попал в засаду. Как Хаджи-Мурат... Иса похож на отца. А Зухра похожа на мать.

– Иса сказал, что ты обиделась. Ты обиделась? – Башир посмотрел ей в глаза.

– Нет, – выдержала она его взгляд.

– Хорошо, – сказал Башир, и Марина во второй раз осторожно подумала, что чеченские мужчины не самые упертые, и их можно заставить считаться со слабой женщиной.

Первый раз она подумала так после приключения в бассейне.

Ее придумкой поучить детей плавать Башир тоже сначала не очень был доволен. Подумав, он разрешил ей заниматься с ребятами, а девчонок брать запретил. Он сказал, что чеченским девочкам незачем показываться голыми, а на предложение Марины купать их отдельно от пацанов ответил, что умение плавать девочкам в жизни не пригодится.

Решив повоевать за слабый пол позже, Марина повела в бассейн мальчишек, и там они ее осмеяли, когда увидели в купальнике. Построенные Керимом в шеренгу вдоль бортика, смешные, – кто в плавках, кто в трусах, худые и нескладные, – они хихикали над ее видом и только пальцем, наверное, не показывали. Ей казалось, пока она шла мимо них к лесенке в бассейн, что легче было пройти через строй похотливых мужиков. Обиднее всего было, что она отметила слова Башира про голых девчонок, и специально выбрала поэтому не самый любимый, но тоже красивый, купальник с закрытыми трусами и придирчиво осмотрела себя в нем перед зеркалом. Марина была уверена, что у нее ничего не видно, а эти дикари и взрослый вроде бы Керим посмеивались над ней, как над диковинкой.

Марине очень хотелось спрятаться от них побыстрее в воде, но, взявшись уже за поручень лесенки, она пересилила себя и повернулась лицом к сбившимся кучей ребятам.

– Что за идиотские смешки? – спросила она их. – Ведете себя, как дикари. Я не голая. Я себя не позорю. Может быть, это не по вашим обычаям, но у нас все женщины купаются в купальниках, и наши мужчины к этому привыкли. У нас так принято. Уважайте наши правила. Не я приехала к вам в гости, а вы ко мне.

– И еще. Зачем вы меня обижаете? Разве настоящие мужчины обижают женщин? Я ничего не сделала такого, чтобы надо мной смеяться. Подумайте лучше о себе. Для мужчины сегодня смешно и стыдно не уметь плавать. Я хочу, чтобы над вами не смеялись из-за этого. А вы чего хотите?

Ей показалось, что она устыдила ребят. Во всяком случае, Керим поскукшел и уселся на стул на дальнем бортике, а многие мальчишки стали смотреть не на нее, а в пол.

В воде глупости из мальчишеских голов вылетели, потому что оказалось, что только трое из них умели плавать, еще трое или четверо кое-как держались на воде, а с остальными была просто беда. И если маленькие к концу первого занятия хотя бы перестали бояться ложиться на воду, держась за дощечки, то с великовозрастными неумехами девушке было, похоже, не справиться...

Вечерами, когда Марина закрывалась в номере, собираясь отдохнуть, она долго не могла заснуть, вспоминая, что делала за день, и что у нее получалось. И казалось ей, что у нее ничего не получается, что она никчемная. Что любая другая девушка на ее месте делала бы то же самое, что Марина, потому что ничего другого тут не приходило в голову, – и чеченцы бы даже не заметили подмены.

Так грустно было думать в одиночестве, что она никому не нужна: ни Руслану, которого долго считала своим, ни этим горцам, с которыми она связалась, – что сердце окутывала злая тоска, и хотелось выть на растущую луну, которая, как на грех, глядела в окно ее номера.

Особенно одиноко ей было вечером после стресса в бассейне. Так тоскливо было лежать и вспоминать глупые ухмылки и свою невольную реакцию оглядеть себя при мальчишках, что она не выдержала добровольного заточения в номере и пошла, куда глаза глядят.

Глаза привели ее к Баширу, воевать за девчонок.

– Не хотят они плавать, – в десятый раз терпеливо повторил он ей, и в десятый раз она с ним не согласилась.

– Пойдем спросим у них. Чего ты боишься?

Девчонки, собравшиеся в номере Нафисы и Зухры, настороженно молчали, и Марина уже подумала, что и тут не права, пока не догадалась попросить выйти Башира.

Когда он вышел, Нафиса сказала, что ездила с родителями на море, где папа научил ее плавать, и показала плавки, которые взяла с собой. У других девчонок и купальных принадлежностей не было, и плавать они не умели, и не хотели учиться, кроме двух, горячими глазками следивших за объяснениями Марины и осторожно согласившихся попробовать, если в бассейне не будет мужчин и мальчишек, и если у них будут купальники. Одной из этих девчонок была Зухра, которую Марина уже посчитала своей союзницей, невольно отмечая при каждой

встрече, что девочка тянется к ней и готова помогать. Вот и войдя с Баширом в девчачий номер, Марина сразу увидела открытки с видами местного заповедника, которые подарила ей в автобусе. Открытки специально лежали на подушке, не увидеть их было невозможно.

Марина пообещала, что купальники у девочек будут. Сняв с них мерки, она пригласила в номер Башира и сказала, что завтра днем проведет в бассейне отдельное занятие с тремя девочками, а потом, когда девочки уйдут, запустит в бассейн мальчишек с Керимом. Когда Башир увидел смутившихся девочек, ему осталось выполнить уговор и согласиться. И тогда Марина первый раз подумала, что он не такой суровый, каким кажется, и что в нем есть уважение к женщине.

К себе Марина вернулась повеселевшей. Она пересчитала свои деньги. Денег было мало, на билет в Алма-Ату все равно не хватало.

Утром она поговорила с мужем официантки, привозившим на базу отдыха свежие овощи, и он отвез ее на пригородный вещевой рынок.

С сожалением посмотрев на разнообразие китайских и турецких тряпочек, которые почти ничего не стоили, ничего не закрывали и были, на ее взгляд, самыми подходящими для девчонок, девушка выбрала два пуританских купальника: один закрытый, с юбочкой, и один открытый, но с широким лифом и длинными плавками, похожими на панталоны, которые ей показывала Нафиса.

Девочки подарки приняли. Марина подбадривала девчонок, старательно учившихся лежать на воде и работать ногами, и вместе с ними смеялась, когда чьи-нибудь ноги и руки начинали отчаянно бить по воде, поднимая тучи брызг, или кто-то вскакивал на ноги и выпячивал глаза от испуга...

После того, как Марина начала учить девочек плавать, у нее появился защитник, как он сам ей объявил.

Это сказал Иса. Он подошел к ней, когда она стояла перед оградой и смотрела через речку и ивы на другом берегу на краснеющее вечернее солнце, готовящееся закатываться в ту сторону, куда уехал Руслан. Эта пора была одной из самых ее любимых. Сильный дневной ветер затихал, жара спадала, а комары пока побаивались занимать открытые места, – ничто не мешало бездумному созерцанию зелени, воды и желтого солнечного света.

– Как же ты будешь меня защищать? – спросила Марина. – Ты маленький. Вот когда вырастишь и станешь сильным, тогда ты будешь защитником, а теперь вряд ли.

Как оказалось, мальчуган ждал вопроса и приготовился к ответу. Он приподнял футболку, показал пристегнутый к поясу чехол с торчащей из него рукояткой ножа, а, чтобы снять последние сомнения, обнажил короткое кривое лезвие и сделал ножом два резких косых движения, заставив девушку вздрогнуть.

– Я знаю, что маленький, – согласился Иса, спрятав нож. – Но я все равно мужчина и должен защищать женщин.

– Зухра просила сказать тебе спасибо за то, что ты учишь ее плавать. Ей нравится. А книжку твою она завтра дочитает. Когда дочитает, я тебе ее сразу принесу.

– Пусть она сама мне отдаст, – предложила Марина.

– Нет. Она не может. Я у тебя брал книгу, я тебе верну.

– Разве Зухра тебя слушается? – спросила девушка. – Ведь она старше тебя, выше ростом и, наверное, сильнее.

– Зухра еще умная, – ответил мальчик, – учится в школе на пятерки. Она просто со мной советуется, потому что у нас такой обычай. Я в семье теперь старший мужчина и должен знать, что делают мои женщины, чтобы их защищать.

Как не смешно было Марине слушать Ису, но она честно должна была признаться себе, что слова пацана ее тронули. Вот Руслан никогда не обещал быть ее защитником.

И с чего она взяла, что Руслан должен был ее защищать? Он не обещал, она это сама придумала...

Иса был столь бесхитроsten и открыт, с самой первой их встречи в автобусе, что Марина еле сдержала острое желание прижать его к себе и погладить по голове. Почему-то она вспомнила его острые лопатки, на которые обратила внимание в бассейне. Эти лопатки были, как у приехавшего в Америку мальчика Вито Корлеоне. А потом посмотрела в грустные глаза Исы, открытые миру, как у маленького Лапши из другого знаменитого голливудского фильма, и в эту минуту ей пришла мысль о том, что Иса специально послан ей, чтобы помочь найти общий язык с детьми.

Марина стала лихорадочно соображать, как ей добиться доверия мальчика. В голову не приходило ничего другого, кроме как вместе с ним нарушить явный запрет, как поступила в советском уже кино молоденькая учительница французского, игравшая с гордым и голодным деревенским учеником на деньги.

– Иса, ты видел проход за сторожкой? – спросила она, зная, что мальчик не мог видеть. – Хочешь посмотреть?

Они прошли шагов тридцать вдоль берега к деревянной будочке, куда садовник складывал свой инвентарь. Дальше за будкой был вкопан пожарный щит, и лежала неровная куча песка, то ли приготовленная для противопожарного применения, то ли оставшаяся после выкладки плиточных тропинок. А за будкой был лаз в решетке, образованный изогнутыми соседними прутьями, через который можно было выбраться к реке. Будка и щит надежно закрывали лаз со стороны здания.

– Давай похулиганим? – предложила Марина. – Мне очень хочется погулять вдоль реки. Здесь были лагерь, в которых я отдыхала, когда училась в школе. Все так изменилось вокруг. Хочется посмотреть, что осталось, и что я узнаю.

– Но одна я идти боюсь. Мне нужен товарищ. Пойдешь со мной? Башир накажет, конечно, если узнает. Но нас отсюда не видно. И они с Керимом сейчас только начали таскать железо в зале. Если мы не уйдем далеко и быстро вернемся, никто не заметит, что мы убежали.

План Марины был почти беспроигрышный. Она это знала и без хулиганских огоньков, проявившихся в глазах Исы.

– Нас тоже в детстве не пускали на речку, – призналась девушка мальчику, когда они пролезли через ограду, спустились с полутораметрового обрыва к реке и пошли рыбацкой тропинкой.

– Боялись, наверное, что мы полезем в воду или попадем в руки лихих людей, – продолжала она. – Но мы с подружкой не слушались, ходили подглядывать, что там делают мальчишки... Ты знаешь, я сейчас почувствовала, как у меня заколотилось сердце, – оно так колотилось у меня давным-давно от страха, когда мы прятались с подружкой в кустах на берегу.

– Ты знаешь, Иса, кажется, я узнала. Видишь вверху поломанный деревянный заборчик? За ним должны быть домики... Ну да, так и есть. Видишь два домика поперек? Вот в таких мы и жили. Все удобства на улице, не как у вас. Человек по восемь в палате... За этими домиками должны быть дорожки и другие домики уже вдоль дорожек.

– Это соседний лагерь. Мой лагерь был перед ним. Значит, его разломали, как я и думала. Да и тут все очень заросло. Явно сюда годами уже никто не ездит. Давай спускаться на берег. Не хочу карябаться о кусты.

– Знаешь, я что хочу тебе показать? – спросила девушка. – Верблюжью колючку. Ты точно не видел, как она цветет. Я видела два раза. Сейчас как раз подходящая пора. Ты не представляешь, какая она обычно неказистая, и как неожиданно красиво цветет. Какие у нее раскрытые колючие бутоны, и как радуются жизни ее розово-красные мохнатые цветки!

– Я знаю местечко, где было много этой колючки. Сейчас будет за лагерьем высокий берег с травой. Там надо идти осторожно, могут быть змеи. Потом спуститься вниз, на песчаный

берег. Если от песка повернуть налево и пройти узкую рощицу, то выйдешь на узкое сухое поле, отделяющее этот лагерь от следующего. А колючка росла на этом поле как раз у рощи.

Но пройти им не удалось.

Только они ступили на высокий берег, как в траве перед Мариной проползла полуметровая гадюка. Испугавшись, они с Исой невольно взялись за руки, сделали по инерции еще два или три шага вперед, и оказались перед целым змеиным семейством. Невесть откуда выползавшие гадюки стали стремительно пересекать их путь, выползая на обрыв и прыгать с него в воду. Казалось, вся невысокая трава на берегу кишит змеями.

Не сговариваясь, девушка с мальчиком припустились бежать оттуда, и уже только выбравшись на знакомый берег, схватившись за прутья ограды со стороны базы отдыха, выдохнули страх и несколько минут смеялись друг над другом до слез, закатываясь от каждой попытки что-то сказать.

После этого приключения Иса почти каждый вечер приходил к Марине на берег, и они разговаривали, неторопливо прогуливаясь вдоль ограды.

Иса не любил рассказывать, он любил слушать. Марина рассказала ему о всех своих поездках в здешние места. Она сама удивилась, сколько всего вспомнила давно позабытого. Между прочим пришлось ей что-то рассказать пацану, допытывающемуся, есть ли у нее парень, и о своей жизни. Наврала она немного, сказав, что у нее все хорошо и только временная размолвка с Русланом, за которого она собирается замуж.

А еще Марина вспомнила про одну свою воспитательницу, студентку пединститута, заинтересовавшую весь отряд разговорами на необычные темы, очень начитанную и беседовавшую с детьми, как с равными. На ее вечерние беседы в дальней беседке собирались все ребята из отряда, точно им было намазано. Марина хорошо помнила, как ждала этих бесед и что ни одной не пропустила и ни с одной не ушла, даже с тех, на которых шли непонятные ей разговоры.

Из непонятных ей была беседа о роли личности в истории. Она не понимала, почему важно выяснять, кто для истории важнее – массы или вожди? Не понимала, почему Наполеон – великий человек, если он хотел завоевать ее родину? Зачем обсуждать Ленина, Маркса, Вашингтона или Линкольна, если почти все ребята в лучшем случае знали только, кто это, а об их делах узнали из слов воспитательницы? Ей казалось, что и взрослые мальчишки мало, что знали, только выделялись перед девчонками. Никто из них на следующий день не ответил ни на один Маринин вопрос. Все только пренебрежительно отмахивались от нее, как от тупицы.

Зато, когда воспитательница пересказывала интересную книгу, ее слушали, раскрыв рот, все. Это после ее рассказов Марина приняла фантастику за литературу. Ей особенно понравились истории про далекие космические путешествия и планету Торманс, на которую сбежала часть землян, не представлявших себе демократии без рабов. Всю неинтересную физическую работу на этой планете делали короткоживущие люди, которые считали себя счастливыми, потому что среди них не было стариков, и им не надо было думать о будущем.

Марине тогда приснился сон, в котором она была на планете Торманс среди короткоживущих и раздавала друзьям свои вещи, потому что завтра ей исполнялось двадцать пять лет, и надо было собираться в Храм Нежной Смерти...

Марина даже расстроилась, что не вспомнила об этом раньше, и спросила, хотел бы Иса ее слушать, и будут ли ее слушать другие ребята, если она придумывает и расскажет им интересную историю. Иса сказал «да».

Она попросила Ису помочь ей выбрать интересный сюжет. Он был не против. И в их прогулках появился новый смысл.

Дня три она крутила так и эдак, пока, наконец, не придумала, а Иса не одобрил ее придумку. Марина вспомнила прошлогоднюю историю про студента-чеченца, знакомого Руслана.

Чеченец узнал про разбогатевшего украинца, убившего на войне его брата, решил отомстить, уехал на Украину и пропал. Руслан ей говорил, что чеченца предали, и что он его отговаривал, предупреждая, что продадут.

Фантазировать Марина умела, и сюжет был подходящий для фантазии, и в горах она бывала, – правда, давным-давно, в Казахстане, и ниже ледников. Поэтому еще несколько вечеров она вытягивала из Исы, как клещами, его детские впечатления о Кавказских горах, о быстрых холодных речках, о тамошних обычаях – нужны были знакомые ребятам детали, чтобы сказка превратилась в правдоподобную историю.

С осенившей ее придумкой вечерне-ночная хандра прошла. Каждую свободную минуту Марина теперь сочиняла рассказ. Вот только голова пухла от возможных хитросплетений и отказывалась долго соображать. Марина продумала основную сюжетную линию и проговорила в уме довольно складное начало истории, но дальше ее мысли разбегались, и дело останавливалось. Наконец, она поняла, что надо решаться, – рассказать то, что уже сложила, и освободить голову для следующего кусочка. Раз сложилось начало, сложится и продолжение.

Эта мысль пришла ей в голову в конце второй недели работы на базе отдыха. Начинать проект было боязно, к тому же внутренний голос подсказывал, что в субботу приедет агитбригада из академии давать обещанный ребятам концерт. Им и так вечером будет интересно, так что ее выступление можно отложить.

Но был в ней еще один голос, упрямый и последовательный, который не хотел откладывать. Второй голос был сильнее, и девушка решилась. В пятницу, после занятия в бассейне, она объявила ребятам, что вечером все собираются в беседке, где она начнет рассказывать им захватывающую историю с продолжением, которая называется «Чечен».

Концерт (4)

Решение начать в пятницу оказалось складным. На выходные пустую – если не считать чеченцев на втором этаже и пожилую пару на третьем – базу отдыха наполняли горожане. И в эту пятницу к вечеру на автостоянке добавилось четыре машины, а третий этаж заселили больше, чем наполовину. Среди приезжих были любители тенниса, попросившиеся на корт. Поэтому футбол, не такой азартный из-за чужих глаз, как обычно, закончили пораньше.

Солнечный шар еще не опустился на другой берег реки, и вечер только начал входить в свои права, а мальчишки уже потянулись в беседку.

Башир ушел качаться в зал, назначив дежурить Керима. Керим сел на ступеньки у входа в беседку. Ребята расселись по скамейкам вдоль стен.

Хотя на улице было еще светло, внутри беседки, из-за низкой крыши и переплетенных вокруг поддерживающих ее опор стеблей дикого винограда с широкими листьями, было довольно сумеречно. Электричество в беседке было, но Марина решила свет не включать. И так не очень уверенная в себе, она не хотела, чтобы ребята видели ее волнение.

Вокруг лавочек и в центре беседки Марина расставила спиральки от комаров и зажгла их, отгоняя насекомых, которых на территории базы было немного, но которые были и мешали, особенно вечером. Из спиралек курился пахучий дымок и в сумраке казалось, что струйки дыма с боков, поднимаясь вверх, огибают незримый купол и сплетаются под крышей беседки с центральным дымком, образуя магический знак.

Ребята притихли. В наступившей тишине стали отчетливо слышны хлопки теннисного мяча.

Марина устроилась в центре беседки на табуретке. Тридцать восемь детских глаз смотрели на девушку со всех сторон. Она вздохнула и начала свой рассказ.

«Больше двадцати лет тому назад, когда никого из нас еще не было на этом свете, в далекой горной долине с бьющимся о серые валуны шумным потоком, белым от пены и голубым от высоты, жили два брата, старший Ваха и младший Гизи.

Ясных погожих дней в долине было немного. Обычно небо там мучили облака и клочки туч, чередуясь с солнцем. Без солнца в долине казалось прохладно и ветрено, но только не коричневым босоногим мальчишкам в рубахах поверх грязных и рваных штанов, целыми днями гоняющихся друг за другом по колючкам, камням и кизьякам.

Младший брат был совсем мал, лет трех или четырех, и мать не разрешала ему далеко отходить от дома, но он все равно убежал за старшими ребятами, упрямо сопя и перелезая через высокие валуны. «Ай, молодец, настоящий чечен!» – призывно кричали ему ребята, которых он никак не мог догнать, а мать на него громко ругалась.

Вверх по ручью за аулом была ровная площадка, где большие ребята часто боролись, показывая свою силу. Когда к ним добирался малыш, раскрасневшийся после схватки старший брат хватал младшего под мышки, поднимал над собой и громко трубил, как охотник, поймавший добычу...

Гизи немного запомнил из своего раннего детства, но то, как убежал в ауле от матери, а потом взлетал в руках старшего брата к самому небу так высоко, что внутри все обрывалось от восторга, – запомнил хорошо и часто вспоминал в трудные минуты.

В ауле Гизи воспитывала бабушка, потому что она знала больше всех, и потому что была старая и ничем больше не занималась. Она не только Гизи воспитывала – всех внуков и правнуков, которые у нее жили и к ней приезжали. Дед и бабушка Гизи – деда и денана, если мне

правильно перевел Иса – были самые мудрые в семье. Деда был очень уважаемый человек. Гизи очень уважал деда, но воспитывала его денана.

Отец и мать Гизи объяснили ребенку, что он мусульманин, и что нет бога, кроме аллаха, а Магомед – пророк его. Бабушка рассказала внуку, что это значит. С ее слов он знал, что бог милостивый и милосердный, и что он один для всех народов, даже если чужие этого не знают и думают, что молятся какому-то другому богу.

Самым главным для Гизи был всевышний, а потом отец. Гизи делал все, что говорил отец. Для него было счастьем угодить отцу, добиться, чтобы отец назвал его хорошим мальчиком. Гизи очень уважал отца. Все, что Гизи хотел сказать отцу, он передавал через маму. С мамой у Гизи были особые отношения, хотя мама больше всех ругала Гизи за шалости. Маму Гизи любил, потому что мама любила папу.

Однажды, когда Гизи исполнилось шесть лет, случилась беда. Все мужчины аула заходили к ним во двор, обнимались с дедом и гладили Гизи по голове. Гизи не пускали на половину матери, а Ваха, который не убежал по обыкновению на улицу, а стоял рядом с дедом, одетый в белую рубаху и обутый в новенькие черные туфли, сказал ему, что не надо искать нану, все равно она больше ничего не сможет передать даде.

После гибели отца мать увезла Ваху с Гизи и маленькой сестренкой, которую она кормила грудью, к данана – своим родителям, которые жили в малой Чечне, ниже высоких гор и за лесом.

Осенью Гизи пошел в школу. Он хотел хорошо учиться, потому что этого хотел его отец. Хотя в селе он был новичком, в школе его не обижали, потому что нельзя обижать ребенка йисан зуда – так Иса назвал мне статус вдовы, воспитывающей детей. Еще Гизи не обижали потому, что в той же школе в восьмом классе учился его старший брат Ваха, любивший бороться и осиливающий девятиклассников. Одноклассники Вахи разрешали Гизи шутливо бороться с ними и хвалили его за то, что он сильный – настоящий чечен. Еще много раз в школе Гизи называли чеченом, и он стал думать про себя, что он не просто Гизи, а чечен, и эти думы ему нравились.

После школы Ваха хотел учиться на милиционера или прокурора. Дядя сказал, что надо платить много денег, чтобы Ваху взяли учиться в институт, и что можно заплатить меньше денег, если Ваха поедет жить в Грозный и там окончит школу. Вахе исполнилось пятнадцать, он стал совершеннолетним и поехал жить к дяде в Грозный.

Гизи без брата стало очень грустно. Он очень ждал школьных каникул, когда они с мамой ездили к Вахе в гости. В Грозном он целый день ходил со старшим братом по улицам. Ваха показывал ему красивые дома, стадион и институт, в котором будет учиться. В городе Гизи узнал про мороженое и очень его полюбил. Ваха всегда покупал ему мороженое, и это было самое вкусное мороженое, которое Гизи ел в своей жизни.

В Грозном жило много русских. Мальчику казалось, что их даже больше, чем чеченцев. Ваха в этом не видел ничего необычного. Он к ним привык, русские были среди его друзей. Ваха рассказывал, что русские хорошие рабочие, инженеры, врачи и учителя, зато чеченцев больше среди милиционеров и во многих других уважаемых профессиях тоже.

Старший брат рассказывал Гизи очень много о том, что сам узнал в городе. Мир Гизи, ограниченный селом и аулом, с помощью брата очень расширился, стал интересней и загадочней. Гизи очень ждал поездок к брату и разговоров с ним, чтобы понять непонятное и ответить на разные вопросы, которые все чаще рождались в его голове. Старший брат стал для Гизи главным после всевышнего.

Когда Ваха поступил в институт, в Грозном на площади стало собираться много людей. Люди говорили, что русские обижают чеченцев, не дают жить по обычаям предков. Старики ходили кругом в военном танце, грозя палками неверным собакам. Чеченцам надоело жить мирно. Они захотели отомстить обидчикам.

Гизи спрашивал Ваху, почему надо презирать неверующих и говорить неверным, что они молятся неправильному богу, которого сами придумали? Ведь он помнил, что бабушка учила их веротерпимости, и что отец учил делать добро всем людям, кроме врагов. Гизи не понимал, почему русские так быстро стали врагами, и что брат будет делать со своими русскими друзьями.

Ваха хмурился на его слова. Он тоже помнил, чему их учили бабушка и отец. Но он добавил, что они еще учили их всегда быть со своим народом. Все люди разом не могут ошибаться. Надо слушать людей. А люди решили, что русские навязывают им свои обычаи. Русские продолжают командовать, хотя стали слабые. Русские пьют водку и выбрали себе главным начальником пьяницу. Новой русской власти не нужен чеченский народ. Ей нужны только деньги и чеченская земля. Пусть поэтому проваливается. Чеченцам лучше жить в своем государстве и по своим законам. К тому же главный русский пьяница сам это разрешил всем народам.

У многих чеченцев теперь было оружие. Ваха показал брату пистолет, который купил в институте. Гизи тоже хотел носить пистолет, и брат обещал достать ему, когда Гизи исполнится пятнадцать лет.

Это была последняя поездка Гизи с матерью к брату. Больше они к нему в Грозный не ездили. Люди там начали прогонять русских, драться с милицией и забирать оружие у солдат. Брат ушел из института. Мать не знала, где он был, и огорчалась, когда Гизи спрашивал».

– На сегодня все, – сказала Марина.

Она не надеялась, что у нее получится так гладко сочинять. Ее уши горели. Ей хотелось вскочить, прыгать, бегать, делать что-нибудь – радость переполняла девушку. Она чувствовала невидимую помощь. Кто-то ей помогал. Одной ей было не найти нужных слов – таких, что сами вставали в нужное место. Она точно плыла по волнам, подгоняемая попутным ветром. Теперь она знала: у нее получится то, что загадала.

А ребята не хотели расходиться и требовали от Марины продолжения.

– Ваха будет воевать?

– Что будет с Гизи?

– Они умрут или нет?

– Как погиб их отец?

– У Гизи будет девушка, которую он полюбит? – это спросила Нафиса. Остальные девочки сидели смирно и молчали как мышки, одна Зухра смущенно кивала, поддерживая Марину.

– У Гизи не будет девушки. Он вырастет на войне. А война, Нафиса, это самое плохое время для любви. И это одна из причин того, что чеченскому народу надоело воевать, и он хочет жить мирно.

– Все-таки давайте, ребята, расходиться. Хватит нам кормить комаров. Пусть каждый сам подумает, что может случиться с Гизи. Мне тоже надо подумать. Завтра суббота. К нам приедут мои друзья из академии. Будет шефский концерт. Поэтому завтра мы здесь собираться не будем. Продолжение про чечена будет послезавтра, в это же время после ужина.

Крылья, которые понесли Марину, незаметно доставили ее до кровати. Лежа, она еще недолго помечтала обо всем сразу и, в том числе, о завтрашнем дне, когда можно будет расслабиться, и легко заснула, как провалилась, без снов и мучительных сумеречных переживаний – так, как засыпала уже несколько дней, точно забыв о своих несчастьях...

Субботний распорядок дня пошел кувырком после двенадцати часов. Хорошо, что хоть в бассейн удалось сходить до того, как ее начала искать приехавшая с артистами Виктория.

– Я тебя уже три раза спрашивала, – обрадовалась темнокожая и кудрявая мулатка, встретив Марину, шлепающую с мокрыми волосами по первому этажу с пакетом в руках. – Представляешь, твои абреки не пустили меня на этаж. Я им говорю, что только постучу в твой номер, хотя бы и при них, а они говорят, что нечего стучать, раз тебя нет. Откуда я знаю, есть ты или нет?

– Ты мне скажи: тот, кто помоложе, женатый? Ему лет двадцать пять, наверное? Как ты не знаешь? Это первое, что должна узнавать добропорядочная девушка! Мне показалось, он интересный парень. Что скажешь?.. Заросший? А по мне это, наоборот, хорошо. Мне нравятся такие мужики. Настоящие самцы. И улыбка у него приятная, согласись. Ну, хоть как зовут, скажи. Имя-то знаешь?

Виктория сама звала себя «негрой» и с детства не обижалась на дразнилки, отчего подшучивать над ней было не интересно. Ее мама наполовину была татаркой, поэтому Виктория понимала и могла общаться на татарском. Еще она учила английский и арабский, но говорила и думала по-русски, и по-русски же была отчаянной и ленивой. Она хорошо пела. Даже очень хорошо. Была звездой местного «Клуба веселых и находчивых». Марина знала ее с первого курса, потому что вечно энергичную и хватющуюся за все дела Викторию трудно было не знать. Ее папа когда-то учился вместе с ее мамой. После института мама осталась с Викой в Астрахани, а папа вернулся в Ливию. Хотя там у него была семья, он почти каждый год приезжал к своим астраханским женщинам в гости и привозил им кучу подарков: дорогую европейскую одежду, белье, сладкие апельсины и целую коробку оливкового масла.

– Ладно, Марина. У нас к тебе дело на сто рублей. Наташа заболела, не приехала. Арабский номер срывается. Надо помочь. Придется тебе станцевать с Валентиной. Весь реквизит есть, тот же, в котором ты всегда выступала.

– Нет. Виктория, нет! – рассмеялась Марина. – Я больше года не танцевала. Хочешь моего позора?

– Сама виновата, что не танцевала. Нечего было своего придурка слушать. Жениться не хочет, а распоряжаться тобой готов... Знаю, что вы с ним поругались. Я тебе хочу сказать: плюнь. Лучше сейчас, чем потом. Этот его ординарец, Пашка, раза три ко мне подходил: где да где Марина, скажи, а то хуже будет. Нашел, кого пугать. Но ты имей в виду, сегодня нас человек двадцать приехало, так что завтра Пашке подскажут, где ты есть. Желающие найдутся.

– Почему? – не поняла Марина.

– Потому что даже среди праведников, если их двенадцать, найдется Иуда, а мы не праведники и нас больше двенадцати.

– Ладно, чего дураков бояться, не до этого теперь, решайся. Сейчас угол на балконе загородим покрывалами, будет вам с Валькой место для репетиции. Она тебя уже давно ждет.

– Нет, Виктория. Я тут создаю добропорядочный женский образ, добиваюсь уважения. Дети меня засмеют, нет!

– У тебя кого больше, пацанов?

– Конечно.

– Ну вот и славно. Твои джигиты тебя еще больше зауважают. Представляешь, их воспитательница умеет еще и танец живота танцевать? И не держи их за дебилов. У вас красивый номер. А красота пошлой не бывает. Дети в этом лучше нас разбираются.

Все-таки Марина сразу не согласилась. Зато, когда дети после обеда утомонились, шум и голоса на веранде заставили девушку передумать. Слишком камерная обстановка окружала ее последнее время. Хотелось уже повеселиться, развлечься, побаловаться. И даже назло Руслану хорошо было бы станцевать. Ведь это из-за него она перестала выступать на сцене. Решила не спорить с тем, что некрасиво дергать голым животом, вызывая здоровую мужскую реакцию.

Вот уж извините. Она лучше него знает, что ей красиво. И чем ей дергать. Чем захочет, тем и будет дергать. Не ему это решать!

– А ты хорошо выглядишь, посвежела, – похвалила Виктория влезшую в арабскую кисею Марина. – Не то, что я.

– Не лицемерь. Толстею потихоньку. Юбка вот жмет. Пора на диету садиться.

– На что же мне тогда сесть? – загоготала мулатка. – Если ты толстая, то я какая?

Виктория за последний год обабилась. То ли смешанная кровь была виновата, то ли арабо-африканские гены, то ли ежедневные посиделки до полуночи и за полночь – ее перло, как на дрожжах. Глаза бы не смотрели на ее толстые бедра и зад – как у доброй хозяйки многочисленного семейства, проводящей все свой время на кухне. Впрочем, Виктория не унывала, посмеиваясь, что количество охотников до ее тела не уменьшается, а увеличивается вместе с его весом.

– Я тебе не говорила, что пробиваюсь в «Дом-2»? – поделилась Виктория. – Хочу, чтобы столичные снобы узнали, что такое настоящая татарская «негра»! Да не переживай ты за меня! Я все твои возражения знаю. Доучусь потом, если придется вернуться. Сама посуди, чего ловить в нашей нищете? Известность, деньги, интересные мужчины – все там, в столице. Надо попробовать.

Концерт студенты организовали на открытой веранде второго этажа, которую администратор базы называла большим балконом. Второй этаж здания был короче первого и продолжался этой открытой верандой, полукруглой, с белыми столбиками, шарами и перилами ограждения. Третий этаж был короче второго, и тоже продолжался открытой верандой, но значительно меньшей по площади. Из-за широких перил веранды походили на открытые носовые палубы прогулочного корабля. Не исключено, что эти веранды-палубы были архитектурной задумкой, благодаря которой здание должно было выглядеть плывущим в степи кораблем.

На балкон вел ход из коридора и отдельная лестница с первого этажа, по которой поднимали концертный реквизит. Часть балкона возле лестницы огородили от любопытных глаз тряпками, как занавеской, и оставили артистам. Импровизированную сцену организовали ближе к закруглению. Перед ней от перил до занавески расставили рядами легкие пластиковые стульчики для зрителей. К пяти часам подключили и проверили аппаратуру. Через полчаса все ребята уже сидели на стульях. Башир и Керим с кобурами на поясах и в ремнях поверх маек, открывших волосатые руки и плечи, отчего ремни на мужчинах выглядели еще суровее, сели ближе к выходу в коридор, в полутени стены, развалившись и демонстративно вытянув ноги.

Отдыхающие на третьем этаже выглядывали со своей веранды, как с балкона в театре.

Официальным лицом на мероприятии был помощник губернатора по молодежной политике. Он коротко поприветствовал детей братского кавказского народа на гостеприимной волжской земле, отдав должное мужеству их погибших родителей, и уступил микрофон Виктории, взявшейся вести концерт и с первых же минут привычно нашедшей контакт с аудиторией. Она была в темной тунике, свободно спадающей ниже колен. Порывистые движения девушки на сцене заставляли тунику переливаться волнами вдоль тела, смягчая его крупные формы.

Вместе с агитбригадой студенческого театра приехали два вокалиста из местного музыкального училища и самодеятельный танцевальный ансамбль.

Концерт получился. Виктория пела неподражаемо. Зрелище для тех, кто никогда не слышал русских, украинских и татарских песен из уст мулатки, должно было запомниться.

Парень и девушка из училища профессионально, насколько могла судить Марина, исполнили несколько арий и веселый дуэт из оперетты. А парень в конце концерта еще и зажег, лихо спев недавно появившуюся и стремительно разлетевшуюся по ресторанам и неформальным площадкам песню адыгейского парнишки про черные глаза.

Виктория за его спиной начала выплясывать и приглашать ребят в круг.

Мальчишки встали, дружно хлопали в ладоши под барабанный перестук, а человек пять сорвались танцевать лезгинку. Двое малышей очень старались, а лучше всех получалось у стар-

шего Тагира. Даже Башир, презрительно поглядывавший на сцену чуть ли не все действие, не выдержал и на последнем куплете присоединился к пацанам, лихо падая на колени и вскакивая перед Викторией, завораживающе водящей перед ним руками. Ремни, кобура и руки Башира вертелись перед глазами зрителей, Виктория плыла по сцене толстой лебедушкой, мальчишки притопывали и хлопали без устали, – чтобы разгрузить собравшуюся энергетику, солисту пришлось несколько раз повторить припев после последнего куплета.

Арабский танец тоже был к месту. Марина танцевала с удовольствием. Тело не забыло движений, спина гнулась. Один раз только она сбилась с ритма, не выдержав паузы и опередив партнершу, но быстро подстроилась и больше не ошибалась. Все ей нравилось: и весело было, и незаметно летело время, – но весь концерт она все равно думала про чечена и про Викины слова о Пашке.

О Пашке думала меньше, потому что представлять его было неприятно. Зато чечен крепко засел в голове и был с ней и во время танца, и в чувстве радости от других номеров, и когда она вроде бы бездумно переговаривалась со студенческими друзьями о житейских проблемах.

Ночью она опять заснула очень легко. Сила, которую она почувствовала в себе, была с ней. Она кружила ей голову, она звала вперед. Руслан и горе из-за его предательства отступали все дальше и мучили ее все меньше.

Вдохновение (5)

Вечером в понедельник внутри беседки снова закурился пахучий дымок, отгоняющий комаров. На Марину смотрело сорок ждущих глаз – к детям присоединился Керим. Пора продолжать рассказ.

«Люди в России разделились на богатых и бедных. Власть разделилась на президентскую и законодательную. Законодательную власть выбрал народ, и эта власть немного думала о бедных, но мало, что могла для них сделать, потому что Россия проиграла своим врагам и стала зависеть от их помощи.

Президентскую власть народ не выбирал, и поэтому она не обращала на него внимание. Президентская власть была самая сильная, потому что ее поддерживали и ей помогали враги, у которых была сила.

Скоро в стране стало много недовольных президентской властью. В Москве недовольные взбунтовались и решили сместить президента, но власть купила солдат и милиционеров зелеными деньгами, и они расстреляли бунтовщиков из автоматов, пулеметов и танков.

После этого президент и его генералы стали пить еще больше и, напившись, хвалились друг другу, что они всех могут расстрелять, если захотят, и никто не сможет дать им отпор.

Взявшиеся ниоткуда русские богачи обворовывали свой народ повсюду. Они воровали деньги из столичных банков и нефть. Денег и нефти было много, как воды в реке, поэтому чеченцам тоже разрешали их брать.

Скоро в Чечне стало много оружия, и вооружившиеся люди вспомнили про старые порядки, когда можно было жить разбоем и иметь в своем хозяйстве рабов. Многие чеченцы стали богатыми. В Чечне стало много денег, много оружия и рабов, а хитрые враги России обещали чеченцам, что так будет всегда, что русские больше не смогут объединиться, и у них не хватит сил усмирить горцев, как раньше. А еще они хвалили чеченцев за смелость и говорили, что чеченский народ самый сильный и мужественный на Кавказе и должен заставить другие народы уважать его силу.

Когда вся Чечня наслушалась этих сказок и вооружилась, она сказала, что уходит из России, хотя фактически уже ушла, прогнав со своей земли русских и разрешив людям иметь рабов.

Но русский президент-пьяница обиделся, что от него уходят, хотя раньше обещал не обижаться, и велел генералам наказывать чеченцев.

Однажды генералы напились сильнее обычного и послали в Грозный танки. В некоторых танках были продажные командиры, которые стреляли по народу в Москве и надеялись с таким же успехом пострелять в Грозном. Танки поехали как на прогулку. Чеченцы заманили танки в центр города, окружили и сожгли. Много без вины виноватых русских солдат погибло и попало в плен. Но уже ничего нельзя было изменить, потому что у войны свои жестокие законы.

Ваха тоже воевал в Грозном. Он не мог не воевать, потому что муфтий объявил джихад, и воевали все мужчины.

Сначала Вахе нравилось воевать. Он научился стрелять из всех видов оружия, ползать как кошка и нападать как орел. Он чувствовал врагов на расстоянии, умел, когда надо, спрятаться, убежать, обойти и напугать, чтобы победить. За смелость и предусмотрительность его оценил командир отряда: назначил своим охранником и посылал на трудные дела.

Русских солдат в столице становилось все больше, чеченцам приходилось все труднее, было много погибших, и многие люди начали вымещать свою злость на всех русских без разбора, пытая и убивая, как собак, пленных, раненых и больных на фронте и мучая и наказывая рабов в аулах. Вахе это не нравилось, он хотел побеждать врагов в открытом бою, а не убивать безоружных, но он должен был молчать, потому что был молод и не мог указывать старшим.

В отряде Вахи, кроме чеченцев, воевали арабы, украинцы и грузины. Один украинец, Дорошенко, называл Ваху другом и тоже хвалил за смелость и разумность, как командир. Вахе было приятно слышать похвалу, но он не мог назвать Дорошенко другом. Дорошенко был очень хитрый, он тоже чувствовал врагов, не видя их, как Ваха, но был убийца и лгун. Ваха видел, как он однажды убил русского пленного, которого можно было отправить работать в аул. Дорошенко сказал Вахе, что русский хотел убежать, хотя Ваха знал, что тот не убежал.

– Почему ты воюешь за нас, и почему так ненавидишь русских? – спросил его Ваха, пытаюсь понять, какой Дорошенко человек.

– Я воюю за вашу и нашу свободу, – ответил Дорошенко. – Русских свиней надо убивать всегда и всюду, если только есть такая возможность.

– Но что русские тебе сделали? Разве они лишили твой народ свободы? – не понял Ваха.

– Они триста лет угнетают мой народ, – сказал Дорошенко. – Украинцы триста лет хотят иметь свое государство, и не могут этого добиться.

– Но ведь у вас есть государство? – опять не понял Ваха.

– Ты не знаешь, какое это государство! Это продажное государство! Оно ничего не делает, чтобы поставить быдло на место, и чтобы дать возможность культурной украинской нации по праву воссоединиться с культурными европейскими народами.

– В Украине жили великие люди, которые научили нас, что самостийной родины не будет, если не решить русскую проблему. Нам надо подчинить русских или прогнать их туда, откуда они пришли, в леса и болота, чтобы эти дикари не мешали жить.

Ваха все равно не понимал Дорошенко. Даже чеченцы, которых русские много раз усмиряли и сгоняли с земли предков, не имели такой ненависти. Он и грузин не понимал, рассуждавших похожим образом. Зачем воевать на чужой земле, если у вас есть своя? Стройте на ней, что хотите, если согласен ваш народ, зачем кого-то бояться? А главное – и украинцев, и грузин в глубине души он не считал воинственными народами. Таким народам, как он думал, себя бы защитить, а не пытаться побороть других. Вот чеченцы – воины. Чечены воюют, не щадя себя, думая о смерти врага. Арабы поэтому ему понятней. Арабы тоже воины. И воюют против неверных. За это тем их них, кто сохраняет людское обличье, можно простить войну на чужой земле за чужие деньги.

Когда федеральные войска выбили отряды из Грозного, прижали их к горам, и война переросла в очаговую оборону и партизанские налеты, один очень уважаемый и очень мудрый старик в ауле, читающий на арабском, рассказал Вахе о предстоящих чеченцам испытаниях. В конце беседы он разрешил ему задать вопрос, и Ваха спросил, почему у него были русские друзья, а украинца Дорошенко, с которым воюет бок о бок, он не хочет назвать другом.

Старик сказал Вахе, что на такие вопросы он должен отвечать сам, если слышит всевышнего и слушает свое сердце, а потом открыл Коран и прочитал ему:

«14. Разве не знал он, что Аллах видит? 15. Так нет! Если он не удержится, Мы схватим его за хохол – 16. хохол лживый, грешный. 17. И пусть он зовет свое сборище – 18. Мы позовем стражей! 19. Так нет! Не подчиняйся ему, и поклонись, и приблизься!»¹

¹ Коран 96

Ваха увидел, что старику был неприятен его вопрос. Он пожалел, что спросил и ругал себя, недостойного, готовый провалиться со стыда под землю...

Пришло время выборов российского президента. Новым русским буржуинам было хорошо под властью пьяницы. Они хвалили его за государственную мудрость и делали вид, что боятся и слушаются. За это они могли делать со страной, что хотели, и продолжать богатеть.

Так как буржуины не могли ослушаться победивший русских Запад, они должны были играть в любимую западную игру про гражданское общество и демократический выбор. Чтобы странный русский народ сыграл по чужим для себя правилам и выбрал того, кого не хотел, пришлось оборачивать горькую конфетку разными нарядными фантиками. Одним из фантиков стал мир с Чечней, который буржуины заключили на чеченских условиях.

Уже победившие русские ушли, и Ваха засомневался в мудрости старика, предсказавшего тяжелые испытания.

Командир его отряда стал после войны уважаемым человеком, комендантом. Ваха остался его помощником и охранником.

У Вахи были деньги, хорошая машина и оружие, он мог содержать жену. Мать гордилась сыном и выбрала ему в жены хорошую девушку. Перед свадьбой Ваха часто приезжал в село, где жил Гизи, и учил младшего брата военному ремеслу.

Гизи был хороший ученик. Он очень старался заслужить похвалу, почти как в детстве, когда мечтал о похвале отца.

Гизи научился хорошо стрелять и бросать гранату, но лучше всего ему удавалось обращаться с ножами. В голенищах сапог у него теперь было два кинжала с узкими лезвиями, которые он в один миг мог выхватить в любом положении, хоть стоя, хоть лежа, и не только драться ими в ближнем бою, но и сильно и точно метать их в цель. Показывая свое мастерство, он падал на землю, как раненый, и по очереди метал кинжалы в метку на дереве, которую ему рисовал Ваха на уровне шеи. Гизи не промахивался. Ваха восхищенно цокал языком, называя брата настоящим чеченом, и это было для подростка самым большим счастьем.

Когда Ваха приезжал в село, братья вместе спали во дворе. Гизи никогда не засыпал раньше брата и запомнил все, что брат рассказывал о войне и о русских, которых можно победить с помощью жадных до денег предателей. Брат рассказал о хитром украинце, набивающем к нему в друзья, и о его странной войне за свою независимость у них в горах. Рассказал о единоверцах-арабах, потерявших людской облик и режущих неверных как баранов. Ваха называл этих арабов шайтанами и очень сомневался, что чеченам нужна помощь хохлов и арабов.

Иногда во сне Ваха кричал кому-то, что не успеет, и бормотал про старика, который был не прав. Гизи боялся за брата, когда тот кричал во сне, и молился за его здоровье, как мог.

Однажды Ваха проснулся, весь потный после крика, увидел страх Гизи и пожалел брата. В эту ночь Ваха говорил с ним, как с равным. Ваха рассказал, почему много раз бегал в Грузию, сопровождая раненых и транспорты с оружием. Брат узнал, что отца убили из-за грузинских баранов, которые паслись на чеченских пастбищах, и которых отец за это угнал. Подкараулить отца могли только подлые грузины, ловко убегаящие за горы. Ваха хотел отомстить убийце отца и, хотя пока не нашел его, сказал, что будет продолжать искать, пока не убьет.

Слова брата запали в сердце подростка. Когда Ваха уснул, он еще долго смотрел в небо на низкие звезды, чувствуя в себе силу воина, беспощадного к врагам семьи. Восторг и благоговейный ужас заворожили его, и перед тем, как забыться, среди россыпи готовящихся улететь предрассветных звезд он увидел рога и голову благородного оленя, которого денана называла тотемом их рода. Олень поворачивал к нему высоко поднятую голову и звал за собой».

Марина выдохнула и словно очнулась в том мире, в котором жила, и где на нее привычно смотрели такие знакомые уже глаза. Станным образом ей показалось само собой разумеющимся, что время рассказа она проживает в другом мире, созданном ее воображением. В созданном мире была своя жизнь и свои герои, очень похожие на людей, которых Марина знала. Рассказывая про Ваху, она видела перед собой Башира. Чечен в детстве был вылитый Иса, ее бескорыстный подсказчик и защитник, которому она всей душой желала удачи, которой не хватило Гизи. Дорошенко был в чем-то похож на Руслана. В нем было много холода, так девушке захотелось. Кроме героев, жизнь в воображаемый мир вдыхали разные воспоминания и мысли, всплывающие из подсознания, многие из которых она слышала от Руслана и его активных товарищей, думала, что позабыла, а вот и вспомнила, когда понадобилось.

Девочки после рассказа по обыкновению сидели смирно. Мальчишки ерзали по скамейкам, хлопали себя по голым ногам и щекам, убивая комаров, переставших бояться дыма спиралек. Они шумели и не хотели расходиться, надеясь, что Марина расскажет что-нибудь еще. Кто-то хвалился соседу, что может точно кидать ножик, кто-то рассказывал, с какого расстояния попадал в бутылку из ружья.

Тагиру и Аки не понравились слова Марины о рабах, и они возмущенно говорили, что чеченцам не нужны рабы, что сейчас чеченцы живут без них и очень хорошо.

– Тагир, я не говорила, что чеченцы не могут жить без рабов, – решила ответить Марина. – И не одних чеченцев я имела в виду, когда говорила про рабов. Это все долгая история, касающаяся почти всех народов на земле. Я верю в то, что всегда были и народы, которые жили за счет рабов, и те, у которых рабов не было. Это допотопная еще история, не мне и не здесь ее рассказывать. Но знаете, мальчишки, я очень рада, что мои слова про рабство вас задело. Я верю, что богу не угодно рабство, что всем людям он дал свободу, и что когда мы это, наконец, поймем, на земле установится царство справедливости, как на небе.

– Наверное, вы любите фантастику? – продолжала девушка. – Наверняка, вы смотрите американскую фантастику – она самая продвинутая, красочная, захватывающая и жуткая, как все американское. Но могу поспорить, что она вас ничему не научила. Американцы пугают нас захватчиками-инопланетянами и звездными войнами, думают, что космос – продолжение земли, и что им, высокомерным торгашам, туристам и трусам, позволят вести себя там, как на земле. Вся их жизнь – один большой страх. Только страху за свою жизнь они и могут научить.

– А есть и другая фантастика, которую вы не знаете. Я и спорить не буду, что не знаете. Даже я в вашем возрасте не знала, а ведь мое поколение еще не только кино смотрело, но и книжки читало.

– Раз уж вы не хотите расходиться, – продолжала Марина, – я расскажу вам сказку о фантастическом мире Ивана Ефремова, о котором когда-то давно я узнала от воспитательницы моего отряда примерно в этом же месте, где мы с вами сейчас находимся.

– В этом мире земляне смогли стать друг другу братьями и построили общество справедливости. Трудом всех людей земля стала райским садом. Связь и транспорт стали доступны всем. У людей пропала необходимость собираться в большие города. Все жили в отдельных домах в гармонии с природой и наслаждались жизнью и саморазвитием. Появилась возможность совершать межзвездные путешествия. Земляне приняли в сообщество цивилизаций галактики – наступила Эра Встретившихся Рук.

– По земной теории общество в своем развитии должно было либо достичь справедливости, либо самоуничтожиться. Все известные людям обитаемые планеты были на прямом пути развития, кроме одной. Была в звездных пространствах планета, за которую землянам было стыдно перед сообществом цивилизаций. Когда-то давно эту планету колонизовали беглецы с Земли, которые считали, что общество без рабского труда построить нельзя. И теперь планета оказалась в круге Инферно, а природа на ней стала адом, средоточием зла для мыс-

лящих, чувствующих людей. По законам эволюции там преуспевали подхалимы, приспособленцы, послушные исполнители, а власть была всегда коррумпированная и некомпетентная, и самые ее благие действия только ухудшали общую ситуацию на планете, порождая неизбежное зло – Стрелу Аримана.

– Люди на далекой планете жили в гигантских городах, говорили на одном языке, у которого была сложная письменность и фонетика, а смысл слов менялся от изменения интонации, так что правду и ложь нельзя было различить словами. По результатам тестирования в детстве жители делились на коротко и долго живущих – «кжи» и «джи». «Кжи» не получали образования, работали только физически и обязаны были умереть молодыми и здоровыми в Храме Нежной Смерти. «Джи» – учёные, инженеры, люди искусства, представляющие ценность своими знаниями и талантами. «Джи» и «кжи» не понимали, презирали и ненавидели друг друга. Антагонизм между ними искусственно поддерживали правители. Абсолютная власть на планете принадлежала Совету во главе с Председателем, который был волен делать что хочет, – например, назвать планету именем своей жены. Руководство обществом осуществляли сановники, имеющие максимальные материальные блага. Власть поддерживалась террором по отношению ко всем – «кжи», «джи» и сановникам. Считалось, что под пытками любого человека можно превратить в безвольное животное, послушно выполняющее приказы, а то, что рассказывают легенды о нестигаемых людях – ложь или свидетельство неумения палачей. Конечно, некоторые люди сбегали от такой жизни. Они селились в заброшенных вследствие недостатка ресурсов городах и образовывали банды. Этих людей правительство называло оскорбителями двух благ – долгой жизни «джи» и легкой смерти «кжи» – и вело с ними безуспешную борьбу. Забывшее бога общество крутилось в адском колесе, проедало невозполнимые ресурсы планеты и не способно было перейти межзвездный барьер, поскольку звездам не нужны люди, способные истребить себя.

– Землянам было очень стыдно за своих неразумных сыновей, свернувших с прямого пути. Они построили космический корабль по новой технологии Прямого луча, позволяющий перемещаться в любую точку галактики через нуль-пространство. На далекую планету полетела спасательная экспедиция землян. Ценой своей жизни им было суждено раскрыть блудным детям глаза и зародить в их душах стремление выбраться из ловушки. Они стали героями, о них на Земле сложили песни и легенды, каждому земному ребенку рассказывали об их подвиге, и каждый ребенок мечтал стать одним из героев.

– Вот и подумайте, ребятки, перед сном, – закончила Марина. – Не к такому ли бессмысленному обществу далекой планеты ведут нас те, кто руководит американцами, и угодно ли это движению богу? И не стоит ли всем нам – и русским, и чеченцам, и украинцам, и американцам – идти вместе прямым путем, угодным богу, чтобы никому из народов не было стыдно за другой народ, как бывает стыдно отцам за отбившихся блудных детей?

Через тернии (6)

На следующий день Башир поинтересовался, откуда Марина знает Коран и не боится ли божьей кары, если прочитает неправильно и наврет детям. Он сказал, что, только читая на арабском, Коран можно истолковать правильно, и что люди для этого долгие годы учатся в специальных местах.

– Ты, конечно, Коран не прочитал? – спросила Марина, зная ответ.

– Я не умею читать по-арабски, – продолжила девушка. – Я читаю русский перевод. И я не толкую Коран, упаси бог, я только читаю то, что отвечает моим мыслям.

– У меня книга с собой, я тебе могу ее показать. Это подарок одного русского парня. Он мне сказал, что люди до сих пор не поняли назидания, но уже подошли к его пониманию. Этого очень боится запад, всячески провоцирует фундаменталистов, а потом объясняет их воинственность чтением святых книг, чтобы навсегда закрыть Коран для людей... Мой томик необычно составлен. Последовательность сур в ней соответствует времени откровений Мухаммада. Но суры те же самые, можешь проверить.

– Башир, приходи вечером на продолжение рассказа, – предложила девушка, решив перехватить инициативу. – Послушаешь своими ушами. Детям интересно. Керим тоже вчера слушал. Может, и тебе понравится. Если один день не потаскаешь железо, ничего с тобой не случится, и так вон какой здоровый. Придешь?

Ответить ей Башир счел ниже своего достоинства. Марина решила пока на него не обижаться, хотя и отметила, что не очень выросла в его глазах и находится в общей куче женщин, недостойных внимания высокомерного горца.

Договорить они не успели. С улицы позвали на помощь. Два их мелких пацана придумали залазить на остаток старого кирпичного забора и прыгать с него в песок. На заборе оказался кусок ржавой колючей проволоки. Один из мальчишек порезался о нее и теперь стоял перед Мариной со стиснутыми зубами, хлещущей из запястья кровью и весь белый от испуга. А другой пацан, такой же белый, орал и помогал ему поддерживать раненую руку.

Пока Марина обработала рану, пока вызвали машину, пока она съездила с пацаном в больницу, пока там рану зашили, пока они вернулись обратно, наступил вечер, и от навалившейся усталости девушке было не до рассказа. Она даже не смогла толком поужинать, поднялась к себе в номер и упала на кровать, не раздеваясь.

Ночью ее разбудили. Толстого Аки выворачивало наизнанку. Глаза у него округлились больше, чем у порезавшего руку малыша. Марина вызвала скорую помощь, а пока ждали машину, выяснила, что произошло. Аки на спор съел все шоколадные батончики, которые дали мальчишкам на ужин. Конечно, его замучила жажда, и за вечер он выпил все, что было у ребят, все остатки минералки, сока и кока-колы. Не мудрено, что отравился.

В больнице Аки прочистили, уложили спать, и он спал, как король, до обеда, а Марина все это время дремала в коридоре на банкетке, то сидя, то полулежа, заработав головную боль и отекавшие ноги. Вдобавок, когда Аки проснулся, его долго не хотели отпускать. Оставить его одного она не могла, пришлось много раз звонить, подключить комитет молодежи, дойти до главврача.

На базу девушка опять вернулась только к ужину. Правда, голова у нее прошла, и аппетит прорезался, но после сытного ужина ее сморило, и она еле добралась до своей кровати.

Без Марины ребята два дня слонялись без дела.

– Хотя бы мальчишек водил заниматься в бассейн! – на утреннем подъеме своих сил укорила она Керима.

– Зачем им бассейн? – стал отбиваться Керим. – Мы в зале были, в футбол играли, всюду были.

– Ай, женщина! – отмахнулся он, сообразив, что оправдывается.

Мальчишки в бассейне спросили, будет ли сегодня продолжение про чечена и обрадовались, что будет. Девочки не спрашивали. Башир вообще с ней не разговаривал.

Время послеобеденного сна у Марины на продумывание деталей рассказа. Думалось тяжелее, чем она ожидала. Два беспокойных дня нарушили настрой. Не все гладко складывалось. Она еле дотерпела до конца мертвого часа и сразу после него вцепилась в Ису, чтобы успеть выпытать из него до футбола некоторые штрихи, которых явно не хватало ее рассказу.

Все-таки к ужину Марина почти определилась и повеселела. Она уже предчувствовала, что вот-вот ее должны понести вперед, как раньше, крылья невидимой птицы, и поздно обратила внимание на трех парней, занявших столик в ресторане. Правда, она отметила, что ребята не бедные – краем уха услышала, что двое из них завтра летят погулять на недельку в Москву.

Когда последние ее мальчишки поднялись из-за столов, а она мечтательно продолжала ждать птицу удачи, один из парней подошел к ней. Это был Пашка. Она не сразу узнала его из-за бородки, которую тот отпустил. В кружке Руслана стало модным отпускать бороду. Руслан тоже полгода как ходил с бородой. Но его лицо борода не портила, хоть она и не нравилась девушке. А вот бородка Пашки плохо вязалась с его крупным широким лицом.

Пашка по-хозяйски подсел к ней и, поворачивая толстыми пальцами стакан сока, который она не допила и уже после его грязных рук не будет допивать, спросил:

– Что же ты, милочка, делаешь? Ты забыла, что Руслан тебе велел? Он тебе велел ждать его в общежитии. А мне велел за тобой присматривать. А ты махнула хвостом и сбежала. И не сказала никому, куда. Еле нашел тебя. Полгорода поднял. Что же ты делаешь? Под нож меня хочешь подставить? Так я тебя сам первый поставлю, поняла?

Марина сначала почувствовала, а потом, когда опустила вниз глаза, увидела нож, который Пашка приставил ей к боку. Капелька липкого пота медленно сползла по ее спине до трусов.

Пашка заглянул ей в глаза и, видимо, довольный произведенным впечатлением, спрятал нож.

– Смотри сюда, – сказал он, достав из кармана две фотографии.

На фотографиях была голая девушка, вид сзади. Не совсем голая, но даже хуже, чем голая. Девушка наклонилась, подол ее короткого платья задрался, узкие трусы некрасиво съжились между половинками. На одной фотографии было видно лицо девушки, на другой ее голова уткнулась в мужские брюки, удовлетворяя, как могло показаться со стороны, мужскую прихоть.

– Ты не понимаешь еще, как должна быть благодарна, – противно зашептал Пашка ей в ухо, – что я держу слово, и никому эти фотографии не показываю. Так что ты со мной дружи. И не дай тебе бог обмануть Руслана.

Неправильно все складывалось. Абсолютное, inferнальное зло, о котором она рассказывала детям, надеясь защитить и защититься от него, точно насмеялось над ее усилиями. Марине надо было говорить, кричать, что это неправильно и несправедливо по отношению к ней, но она вся отяжелела и ничего не могла – ни говорить, ни вскочить на ноги, ни ударить, ни убежать. Всех ее сил осталось на короткую мысль: «За что?» – и на странное чувство бренности жизни, которая может кончиться вдруг, в один миг, от удара ножа в бок или живот. И даже пусть лучше кончится и побыстрее, чем продолжать мучиться от всяких гадов и их гадостей!

– Марина, дети ждут, почему сидишь? – в ушах стоял гул, как будто девушка нырнула и спряталась под водой. Она еле разобрала голос Башира. Разобрав, приободрилась, разогнала гул в ушах, и хотя сил пока было недостаточно, чтобы встать, слышала и видела она опять хорошо.

Башир подошел к ней, скрипя ремнями, и встал сбоку, контролируя и ее столик, и дальний столик с Пашкиными приятелями.

Один из них поднялся и тоже подошел, резко остановившись метрах в двух, точно наткнувшись на предупреждающий взгляд чеченца.

– Извини, дорогой, мы не хотели ничего плохого, – сказал он примиряющим тоном, показав Баширу свои ладони.

Это был широкоскулый казах с цепким взглядом узких глаз, старше Пашки, для казаха довольно рослый и статный, если не обращать внимания на его кривые ноги.

– Один наш товарищ попросил опекать эту девушку, а она уехала, не сказала, куда. Мы узнали, проверили. Все хорошо, слава аллаху, все здоровы, все довольны.

Башир внимательно всмотрелся в казаха:

– Разве у Марины есть опекун? – спросил чеченец.

– У нее есть друг, с которым она живет, – сказал казах. – По нашим обычаям это все равно, что муж. Ее муж уехал и просил друзей за ней посмотреть. Вот и вся история.

– Не слушай его, Башир, – у Марины прорезался голос. – Наши обычаи не сильно отличаются от ваших. У меня есть друг, но он не муж. Пусть станет мужем и тогда заявляет о своих правах. Только он сильно меня обидел, и вряд ли я за него выйду.

– Ты видишь, – Башир сделал жест левой ладонью, – она говорит, что у нее нет мужа. Вы неправильно поступили. Сейчас я за нее отвечаю. Почему вы не подошли ко мне, чтобы я разрешил с ней поговорить?

– А! – поднял руку казах, извиняясь, и неожиданно дал Пашке сильный подзатыльник. – Ты прав, мужик. Мы должны были тебя спросить. Я говорил не лезть! Но разве русский дурак послушается?

– Что случилось, Башир? – поздоровался с чеченцем один из двух вошедших в зал вооруженных милиционеров-казахов.

– Ребята к девушке пристают. Кто такие, чего хотят?!

Милиционеры подняли из-за стола Пашу и увели его вместе с другом за их дальний столик. Через пару минут разговора на казахском, они вернулись.

– Двое местных, – доложил старший Баширу. – Один русский из города. наших я знаю, из хороших семей. Немножко играют в националистов и исламистов. Пока за ними ничего нет, но, похоже, их кружок скоро запретят. Они чистые, я проверил. Завтра у них самолет в Москву. Говорят, родители дали денег погулять на каникулах. Пусть гуляют, если девушка не против... У русского нож, документов нет, можно задержать до выяснения. Что скажешь?

Чеченец посмотрел на Марину.

– Башир, Пашка пугал меня ножом. У него фотографии, которые нужно уничтожить. Забери их, пожалуйста.

– Хорошо, – согласился с милиционерами чеченец. – Местные пускай катятся. Русского закройте.

Когда Пашку подвели, Башир заломил ему руку за спину, вытащил из кармана брюк фотографии и отдал их Марине.

У выхода из здания девушку ждал Иса.

– Это я позвал Башира, – услышала она от мальчика. – С тремя я бы не справился.

– Я не просила меня провожать, – взяв Ису за руку, сказала Марина идущему следом Баширу. – Второй охранник мне не нужен.

Башир не ответил, но затылком она чувствовала его весь путь до беседки.

Заждавшиеся девушку ребята уже сами нашли, зажгли и расставили спиральки от комаров примерно в тех же местах, где их ставила Марина, забыв только поставить одну из них в центре. Слабый ветерок, редкий для позднего вечера в здешних местах, выдувал сладковатый дымок, и он никак не собирался в привычный купол. Сорок глаз девятнадцати детей и одного мужчины смотрели на девушку. Еще один мужчина сидел или стоял за беседкой и тоже мог ее слушать.

– Гизи хотел бы всю жизнь жить вместе с братом в родовом селе матери, – тихо начала Марина, – так, как они жили перед свадьбой брата. Он мечтал стать ему верной опорой, помощником и защитником. Но наши мечты не всегда исполняются. Не исполнились и мечты Гизи.

«Следующие два года Гизи редко виделся с братом. Его жена была из соседнего села, там брат и стал жить.

Через год женатой жизни у Вахи родилась дочка, еще через год – сын.

Друзья Вахи решили отметить рождение его сына. Гуляли и в селе, где жил Ваха, и в селе матери, и в ауле отца. Стреляли, боролись, ели шашлык. Приезжал командир Вахи и еще три больших командира. Хороший получился праздник. Люди как будто знали, что скоро их спокойная жизнь закончится, и следующий праздник будет не скоро.

Через месяц после праздника вахабиты убедили командиров идти в Дагестан, и начался бесславный поход объединенной чеченской армии.

Когда остатки разбитых отрядов стали отступать к родным горам, Гизи убежал из села в аул, уверенный, что встретится там с братом.

Ваха пришел в аул через неделю. С ним был его командир и еще восемь злых, уставших и пропахших потом и гарью воинов. Ваха рассказал, что последние два джипа у них подбили два дня назад, и что вчера им удалось оторваться от федералов, но командир говорит, не больше, чем на день. У русских в проводниках два кровника командира. Они не успокоятся, пока его не убьют. Но шансы уйти есть. Грузия рядом.

Ночью братья спали вместе. Гизи, прощаясь, смотрел на яркие звезды, заснул позже Вахи, а проснулся раньше, когда предрассветный молочный туман еще только начал заполнять ущелье.

Когда Ваха встал, Гизи уже был готов к походу. За поясом у него был кинжал и пистолет, который Гизи давно достал сам, без помощи брата. Еще два узких стилета в чехлах, с которыми Гизи не расставался, были приторочены кожаными ремешками к высоким альпийским ботинкам.

Гизи возмужал, ему шел семнадцатый год, его подбородок зарос щетиной, он знал, что брат не сможет ему отказать и возьмет с собой.

После утренней молитвы и завтрака бойцы не казались такими злыми, как вечером. Они дали Гизи рюкзак и помогли его собрать. Его рюкзак весил почти тридцать килограммов. Рюкзак Вахи – больше. Гизи попросил, чтобы ему добавили вес, но должен был послушаться приказа.

Среди всех один командир был суров и зол. Гизи старался не попадаться ему на глаза. Командир молился отдельно, в другой комнате, и дольше других. Гизи казалось, что командир зря переживает. До перевала был день пути. Идти им предстояло знакомым ущельем по знакомой тропе. Кто их догонит?

Вверх по ущелью они не побежали, конечно, но шли ходко. Гизи не привык ходить с тяжелым рюкзаком и, чтобы не отстать, тянулся, как мог, до крови в глазах. Только привалы его и спасали. Через каждый час делали десятиминутные привалы. На первых привалах Гизи не снимал рюкзак, лежал на нем без сил.

Узкое место ущелья прошли к десяти часам утра. Когда горы раздвинулись, открыв широкие поляны и заросшие террасы по обе стороны реки, выглянуло солнце, и сразу стало веселее и легче идти. На очередном привале Гизи освободился от рюкзака и подержал уставшие ноги в холодном ручье. После водной процедуры он смог ответить на несколько вопросов. Он рассказал, что в детстве и в школе старшие ребята были им довольны и звали чеченом. Еще он пообещал бойцам показать, когда придут в Грузию, как метко умеет кидать ножи. Над ним

немного посмеялись, сказали, чтобы не хвалился раньше времени, и что тоже могут звать его чеченом, если Гизи себя покажет в деле.

До следующего привала шли через дикую облепиху, которая здесь росла почти на всю ширину ущелья. Деревьев было много, они были человеческого роста и тянулись вдоль тропы больше километра. Была середина октября – хорошее время, когда вся облепиха поспела и с удовольствием раскрывала еще не холодному солнцу свои ветки, обильно усыпанные желтыми ягодами и острыми зелеными шипами. Гизи не удержался, отломил несколько веток к чаю, зная, что потом те, кто посмеивается над ним, будут его благодарить, и шел с колючим букетом.

После чая с облепихой прошли карьеры и поднялись к хвойному лесу. Были уже довольно высоко от аула и даже от облепихового раздолья. С высотой пришло похолодание.

С каждым новым переходом Гизи все больше привыкал к ходьбе с тяжелой ношой. На очередном привале ему хватило сил слазить на террасу с барбарисом и набрать ягод, которые здесь никто не собирал.

Перешли «красную» поляну с огромными валунами железняка. Сосновый лес поредел. Пошел снег. Подошли к открытому месту с невысокой горой, которую широко огибали ставшая ручьем река и стелящаяся вдоль него тропа.

Перед тем, как останавливались пить чай, им встретился пастух из аула, который сказал, что видел на горе людей. Гора была идеальным местом для засады, если их ждали, верить во что очень не хотелось. На горе, метрах в пятидесяти вверх по склону, шла полоса редких сосен и кусты можжевельника, в которых можно было спрятаться. Со склона горы тропа по другую сторону ручья была как на ладони. И даже если пробираться берегом вдоль подножия, пытаясь прикрываться камнями и отдельными кустами на открытом склоне, все равно для стрельбы оставался большой открытый сектор.

Командир и Ваха долго осматривали в бинокли склон горы и подходы к ней. Увиденное им не нравилось.

Гизи тоже почуял неладное. Его сердце сжималось неровно, словно запиналось, как бывало с ним в минуту опасности.

Другая сторона горы до половины склона была в кустах. По ней шла тропинка, спрямляющая путь к кошу охотников, до которого оставался час пути, и от которого шел подъем на перевал. Тропинка поднималась почти до границы кустов и вершинной поляны, а потом спускалась к подножию. Она была узкой, в некоторых местах шла по осыпи. Гиви бегал этой тропинкой. Идти по ней с ношей было тяжело.

Собрав бойцов, командир сказал, что их ждут и, зная, что они нагружены, ждут на основной тропе. По тропе не пройти. Назад дороги нет. Остается тропинка в гору. Чтобы противник не смог переориентироваться и их перехватить, необходимо показать, что они пытаются прорываться с той стороны, где тропа. Четыре человека двумя парами подойдут за камнями до открытого склона, откроют огонь, когда их обнаружат, и будут имитировать прорыв к отдельно стоящим кустам. Основная группа побежит тропинкой. Чтобы группа прошла, бой надо вести не меньше получаса. Ни в коем случае не пытаться прорываться за гору. Только отстреливаться и имитировать прорыв. Через полчаса боя отходить вниз к аулу и пытаться уйти лесом в другое ущелье. Если засады не окажется, то основная и отвлекающая группы встретятся в коше.

Поклажу переложили. Четверых охотников разгрузили от вещей и нагрузили почти всеми оставшимися боеприпасами. Прощались с ними, как с идущими на смерть. Гизи последним прижимался щекой к их щекам, и они обнимали его, как брата. Его грудь разрывалась от чувств. Его приняли в воинское братство, как равного.

Снегопад не прекращался, а только усилился, обильно засыпав белыми шариками зеленую траву. Пробежав по тропинке до верхней точки подъема, группа услышала эхо от корот-

ких автоматных и пулеметных очередей, одиночных винтовочных выстрелов и хлопков гранатомета. Ваха засек время. Стрельба продолжалась двадцать минут. За это время основная группа спустилась с горы и отошла от нее не меньше, чем на километр.

Через пару минут после конца стрельбы Гизи услышал три глухих хлопка. Он упал на землю, среагировав на молниеносное движение брата, хотя сначала не понял, что это звуки попавших в цель выстрелов. Понял через несколько секунд, когда Ваха крикнул, что снайпер подстрелил командира.

Снайпер стрелял со стороны горы, на таком расстоянии его было не достать, и они на полусогнутых ногах, прикрываясь камнями, подхватив под руки обмякшего командира, как могли быстро побежали, выходя из зоны огня. Больше выстрелов по ним не было.

Через триста метров Ваха приказал остановиться. У них был один раненый в плечо и тяжелый командир. В командира попали две пули. Одна зашла в бедро, вторая – в бок, под бронежилет. Пока бежали, командир потерял много крови. Его перевязали, уложили на плащ-палатку и снова почти побежали к видимому уже кошу, справа от которого поднимался крутой травяной склон, слева – высокая скалистая гора, а сзади – отчетливо видная тропа на перевал в отходящем от ущелья вверх сужающемся каменистом проходе.

В коше наскоро перекусили, запивая тушенку ледяной прозрачной водой из ручья. Вечерело. По-хорошему надо было растопить печь и заночевать, но командир почти бредил, надо было спешить.

Кош запирал проход наверх. Все подходы из него простреливались. На всякий случай Ваха оставил в коше одного бойца с пулеметом, велел ждать до утра, а потом догонять основную группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.